

Идеальные
РАЗВЕДЕННЫЕ

Анна Белинская

Анна Белинская

Идеальные разведенные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69508990

SelfPub; 2023

Аннотация

После шести лет брака супруги Игнатовы решают развестись. Несбывшиеся надежды, разочарования и повседневный быт заставили Леона и Агату пойти на это поспешное решение. Но какого же было их удивление, когда, уже будучи свободными людьми, бывшие супруги замечают, что они – идеальные разведенные! Шутки, флирт и непринуждённые разговоры вновь появляются в их отношениях. Так, может, и не стоило разводиться? Может, они – две половинки, предназначенные друг другу судьбой, а развод – это лишь временные трудности? Увлекательный любовный роман о кризисе отношений. Главные герои заново учатся верить в чудо и любовь. Книга, сочетая ненавязчивый юмор, интригующий сюжет и волнующую драму, рассказывает о том, как важно правильно расставлять приоритеты, вести диалог с партнёром и уметь прощать.

Содержание

4. Агата	25
7. Агата/Леон	48
8. Агата	55
9. Леон	60
10. Агата	64
11. Леон	80
12. Агата	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Анна Белинская

Идеальные разведенные

Леон

– Добрый день! Меня зовут Леон Игнатов, и я... алкоголик! Черт! – накрываю ладонью лицо, а следом ржу в кулак.

Это уже четвертый раз, как мы с оператором пытаемся записать приветственную речь, и именно в этом месте я начинаю ржать.

А если без шуток, то я – руководитель компании в области IT-технологий, и в данный момент мы с командой готовим видео-приветствие на Ежегодный Международный IT-форум.

Алина, моя незаменимая помощница, пытается сдержать рвущуюся наружу улыбку, но у нее это плохо получается, и она хрюкает в кулак. В самом прямом смысле!

– А можно как-то изменить начало без вот этого всего? – отсмеявшись, устало потираю переносицу. – И давайте побыстрее закончим, – раздражаюсь, однако понимаю, что нужно это мне и только по моей вине мы перезаписываем в который раз чертово приветствие, но с начальством, как говорится, не спорят.

Смотрю на часы: времени в обрез. И в этот самый момент

звонит мой мобильный.

Бросаю взгляд на экран и ... ну конечно!

– Игнатов, если через полчаса ты не притащишь свою ай-тишную задницу в ЗАГС, я не дам тебе развод! – рычит в трубку моя жена, которая должна стать бывшей.

Угроза выглядит вполне себе реальной, поэтому я не могу позволить себе опоздать на собственный развод.

Следующий дубль мы записываем без проблем и с первого раза. Вот, что значит мотивация!

Я прилетаю за пять минут к назначенному времени. Агата мрачно подпирает стену спиной с папкой в руках. Она меня не видит, и у меня есть несколько незамеченных секунд, чтобы перевести дух и рассмотреть супругу, с которой мы не виделись, кажется, недели три. На ней черная коротенькая кожаная курточка наброшена поверх неприлично короткого платья, а на стройных худых ногах массивные тяжелые ботинки смотрятся грубо, но стильно. У жены – прекрасный вкус и безупречное чувство стиля. И стоит сказать, что любовь к шмоткам она привила и мне. Не могу похвастаться, что я отпетый модник, но стараюсь выглядеть современно и достойно руководителя не крупной компании.

Агата оборачивается и вычленяет в коридоре меня. Разглядывает мой прикид, всматривается, брезгливо нахмурив брови.

– Ты... – мимика супруги неподражаема, когда она зла и бешена.

– Это тебе! – перебиваю ее и протягиваю букет из нежно-розовых пионов. Ее любимые цветы. – Прекрасно выглядишь! – и это правда.

– Эээ...спасибо, – она растерянно принимает букет и мечется глазами по цветам, теряя воинственный запал. – Запрещенный прием, Игнатов, – хмурится.

Не успеваю ответить, как дверь кабинета резко открывается и оттуда выглядывает женщина с медными волосами и оранжевой помадой на губах. Она оглядывает пустой коридор и цепляется сощуренным недоверчивым взглядом за нас.

– Игнатовы! Вы? – уточняет.

– Мы! – отвечаем хором, будто репетировали, и удивленно смотрим друг на друга.

Кивком головы женщина велит нам проходить, но своего цепкого внимания с нас не спускает.

Я пропускаю вперед пока еще супругу и следом за ней захожу в кабинет, в котором по центру, как особист, стоит здоровый письменный стол. На единственный рядом с ним стул моя жена укладывает куртку и встаёт рядом со мной аккуратно напротив двух пар глаз, смотрящих на нас в недоумении. Я понимаю это по хлопающим зенкам рыжей женщины, которая спустя несколько секунд подвисания, спрашивает:

– А вы точно пришли разводиться?

Поворачиваемся с Агатой одновременно и смотрим друг на друга непонимающе. Оглядываю ее, затем себя – и меня

озаряет. Со стороны мы, вероятно, смотримся как молодожены: супруга, прижимающая букет к груди, в белом платье и я – в свадебном костюме. И, кстати, в том самом, в котором женился. Чем не повод выгулять второй раз в жизни костюмчик от китайского Диор?! Но, признаться, за прошедшие годы я стал крупнее и крепче, поэтому свадебный пиджак стал узковат в плечах, а короткие брюки облепили мой зад и смотрятся как от долгов.

Киваем, мол, точнее некуда.

– Присаживайтесь, – недоверчиво проговаривает вторая женщина, более приятной внешности, но с тем же подозрительным прищуром глаз, как у ее коллеги. Агата садится на единственный стул, а я примостыриваюсь рядом. Думаю, сейчас мы походим на старомодное свадебное фото: когда невеста сидит, а жених смотрит в кадр, уложив руку на спинку стула. У моей бабушки, кажется, такой снимок был. – Супруги Игнатовы... – она задумчиво пролистывает какие-то документы, вчитывается в них и перекладывает с места на место, – так, детей нет, имущественных претензий нет... – выразительно замолкает, взгляды в документы. – Ничего нет. Скучно с вами! – поднимает на нас глаза и криво усмехается.

Это у нее профессиональный юмор такой, мда. Смотрю на Агату, у которой дергается нервно бровь.

– Агата Давидовна, фамилию менять будете или... оставляете мужа? – обращается оранжевогубая к жене.

Агата подпрыгивает.

– Мужа я оставлять не буду. Вы и так нам дали целый месяц на раздумывания! Мы... всё решили, – возмущается Агата.

Меня потрясывает от беззвучного смеха, а ржавогубая усиленно старается переварить услышанное.

– Агата, эта милая женщина спрашивает: планируешь ли ты менять фамилию или оставишь мою? – еле сдерживая улыбку, поясняю.

– Ох... – жена смущенно отводит глаза в сторону. – Оставлю фамилию мужа.

Ну еще бы!

Игнатова Агата Давидовна звучит куда лучше, чем Анакохер Агата Давидовна.

Проваливаюсь в воспоминания.

После знакомства с Анакохер Агатой я некоторое время прикалывался над ее фамилией, а она обижалась. Мне всегда хотелось произносить ее фамилию с вопросительным знаком на конце.

Видимо, не только мне, потому что во время нашего бракосочетания очаровательная женщина-регистратор с натянутой улыбкой на лице торжественно спросила:

– Игнатов Леон Борисович, готовы ли вы взять в жены А – на – кой- хер Агату Давидовну?

Я не суеверный и не фаталист, но скорее всего судьба уже тогда спрашивала меня – а на кой хер мне это надо?

Оранжевогубая забирает наши паспорта и громко шлепает в них печати. Я вижу, как вздрагивает Агата и на секунду прикрывает глаза. Мы поочередно расписываемся в документах, и нам выдают свидетельство о расторжении брака.

Ну вот и всё. Я ... свободен.

Агата

Свободна.

Я свободна.

Когда эта мерзкая женщина грохнула печатью в мой паспорт, меня словно ударило током. Я даже вздрогнула, – насколько болезненно ощутила его разряд.

Я была готова, но осознание реального конца, подтвержденного теперь законно и документально, все равно ударило в солнечное сплетение.

Я свободна...

– Что за костюм, Игнатов? В таких сейчас даже не ходят, – мы с Леоном выходим на улицу. В моих руках паспорт, свидетельство о расторжении брака и мое будущее. Будущее без мужа.

– Все-таки не узнала? – прищуривается Леон и довольно улыбается. – Это мой свадебный костюм.

Распахиваю изумленно глаза.

– Серьезно? А я думала ты его продал.

– Как видишь. Наверное, чувствовал, что он мне еще при-

годится! – весело отвечает Игнатов, выглядящий бодрее, чем я. Еще бы, это мужики вместе с печатью в паспорте приобретают свободу, а мы, женщины... что приобретаем мы? Прогорклое скребущее ощущение пустоты, брошенности и одиночества?

– Ха-ха, смешно, – натянуто стараюсь поддержать игривый тон мужа... бывшего мужа. – Ну тогда и не продавай. Может, второй раз женишься, а костюмчик есть! – ободряюще улыбаюсь, выжимая из себя эту улыбку, и смотрю в глаза Леону. Что-то пытаюсь в них найти, а, может, просто запомнить.

Мы стоим на парковке у Загса. Теплый майский ветер треплет его отросшие темные волосы. Он всегда бесится, когда они непослушно падают ему на лоб. Вот и сейчас он рукой пытается зачесать их назад, но тщетно: ветер задорно играет с ними. Я слежу за его движениями и вижу поблескивающее на солнце обручальное кольцо. Почему он его не снял?

Забыл?

– Тебе надо подстричься, – смотрю на него, стараясь игнорировать увиденное, но чувствую, как в горле образуется ком.

– Знаю, – соглашается. – Некогда, – он нервно смотрит на часы. Леон всегда куда-то торопится. – Ладно, Агат! Поздравляю! Мне пора.

Поздравляет...

– Ага, взаимно.

Он то ли по привычке, то ли на прощание обнимает меня, как прежде, и уходит к своей машине. Его белый седан и мой черный кроссовер стоят рядом. Леон открывает дверь, забрасывая на заднее сидение пиджак и свидетельство, и скрывается в салоне, успевая мне подмигнуть.

Криво улыбаюсь, провожая взглядом пыль от шин.

Опустошенно бреду к своему немцу. Сажусь за руль с разъедающей потребностью выговориться, поэтому набираю свою лучшую подругу. Сашка поднимает трубку сразу, будто ждала моего звонка. Да скорее всего так оно и есть.

– Агат? – спрашивает вкрадчиво.

– Всё, – еле слышно говорю и начинаю реветь. Даю себе волю, потому что перед подругой мне прятать нечего.

А ведь я была готова. Мы сотню раз с Александрой прокручивали этот эпизод и прорабатывали каждую деталь развода, но я ... я не справилась. Ты смелая и самостоятельная лишь у себя в голове, а на деле... на деле мы женщины... И этим все сказано.

Мой рев превращается в вой, слезы обжигают лицо и оседают на моем новом белом платье. Я до христа сжимаю руль и не могу заставить себя успокоиться.

Саша молчит.

Я знаю, что она на проводе. Она слушает и молчит. Она умеет это делать, потому что Филатова Александра* – квалифицированный психолог, а мне большего от нее и не надо...

– Ты забудешь обо мне, на сиреновой луне

Может только на мгновенье.

Оставляя для меня только тоненькую нить

Только каплю сожаленья... (Л.Агутин «Ты забудешь обо мне»)

Орем в три голоса, сидя у меня дома на ковре перед телевизором.

Три коробки пиццы, легкая закуска и море вина – я то ли праздную развод, то ли поминаю свой брак.

После истерики в машине Сашка божилась провести этот вечер пятницы со мной, но с ней не напьешься: подруга на восьмом месяце беременности, поэтому я пригласила еще и Юльку, мою институтскую подругу.

Мы сидим по-турецки в обнимку с Юлей и раскачиваемся в такт мелодии – пьяные вдрызг. Я реву и засовываю холодный кусок пиццы в рот, размазывая слезы по щекам. Сашка сидит в кресле, естественно, трезвая, но тоже ревет.

– А ффсе-таки твой Леон нормальный мужжжик, – заплетаящимся голосом проговаривает Юлька. – И кварррртиру тебе оставил, и машину. А сам он где живет теперь?

– Он уже не мой, – вскидываю подбородок. – Не знаю, вроде снимает, – моя речь мне кажется более внятной. Ну мне хотелось бы так думать.

– Воот, – наставляет на меня указательный палец, – гово-

рю ж, не козел, – умозаключает подруга. Я смотрю на нее ошарашенно, подумывая лишить ее этого статуса, и свожу брови вместе. Однако, Юлька хоть и пьяная, но, очевидно, помнит, для чего все мы здесь сегодня собрались, поэтому спешит поскорее исправиться. – Ну в смысле козззел конн-нечно, ну такой, нормальный козззел.

Нормальный козел?!

Пробую на вкус это выражение и понимаю, что меня оно полностью устраивает. Довольно киваю, а Сашка тихонько хихикает.

– Ддевички, а поедем в клуб? – вдруг заявляет Юлька. – Танцеваать хочетсяааа! – протягивает певуче и предпринимает попытку встать, но заваливается обратно на ковер, смеясь над неуклюжей собой.

– А действительно! – у меня подняться выходит с первого раза, и я дружелюбно подаю руку Юле. – Танцевать!

– Девички, а может не надо? – обеспокоенно встревает Сашка, любовно наглаживая свой гигантский живот. Мне кажется, ей стоило разродиться как минимум пару месяцев назад. – Вам и так хорошо.

– Санечка, ты едешь домой, – деловито указываю на нее пальцем, – а мы с Юлькой танцевать! – решаю.

Бегу в гардеробную, волоча за собой Юлю. Переворачиваю вещи, выискивая подходящий наряд для себя и подруги. Нахожу черное короткое платье в пайетках с глубоким декольте – то, что нужно для сегодняшнего вечера, а Юльке

к ее кожаным шортам мы подбираем атласный топ рыжего оттенка. Следом несусь в прихожую за своим рабочим чемоданчиком и достаю из него весь свой арсенал косметики.

– Девочки, может, все-таки останемся дома? – Сашка поочередно смотрит то на меня, то на Юльку.

Я попыталась нас накрасить так, насколько позволили дрожащие пальцы и моя нетрезвая координация. В целом, мы с Юлькой остались довольны своим внешним видом, но почему-то, глядя на жалостливое и слегка пораженное лицо Сашки, я начинаю в этом сомневаться.

Мы втроем топчемся в прихожей и пытаемся обуться, пихая друг друга локтями и весело щебеча. Внизу нас ожидают два такси: в бар – для меня и Юльки, до дома Филатовых – для Сашки.

Выходим из подъезда, спотыкаясь и держа друг друга под руки, как старые, но в душе молодые, клячи!

С Юлей усаживаемся на задние кресла, и наше такси уже вовсю готово сорваться с места, когда резко открывается передняя дверь, и Сашка запрыгивает на пассажирское сидение.

Мы с Юлькой непонимающе смотрим на нее, открыв рты.

– Я не могу вас бросить в таком состоянии. Я еду с вами, девочки, – уверенным голосом отвечает Санька, развернувшись полубоком к нам.

В такси повисает гробовое молчание, которое спустя

несколько секунд прерывается моим задумчивым голосом:

– Ндаа... Ну и компашка собралась: одна сегодня разве-
лась, другая глубоко беременная...

– А у третьей не было секса уже полгода, – встревает
Юля, – да я практически девственница! – хохочет.

Мы ржем, как умалишенные, под косой взгляд водителя
такси. Просто он не знает, как я обожаю своих шальных по-
друг, но ответственно выворачивает руль и мчит нас в «Га-
лактику».

**Александра Филатова – главная героиня истории «Вы-
бор».*

Леон

Я заранее забронировал столик, потому что запросто по-
пасть сюда пятничными или субботними вечерами невоз-
можно. «Галактика» – популярный бар в городе с прилич-
ной музыкой, неслабым баром и кусачим ценником, поэтому
всякий сброд сюда не сунется.

Вадим, мой приятель, вальяжно развалился на диванчике
и облизывает глазами извивающихся на танцполе красоток.
Макс Филатов* весь вечер пялится в телефон, переписываясь
со своей беременной женой Сашей. Макс и Саша – наши
с женой... бывшей женой друзья. Я даже скажу больше: они
нам как родственники, потому что Агата – крестная мать сы-
на Сашки, а я, вроде как, планирую стать крестным для ма-

лышки, которая вот-вот должна родиться.

– Ну, брат, как оно? – спрашивает Вадим, разливая коньяк.

– Что? – переспрашиваю, не уловив суть.

– Ну, в смысле, холостым и свободным, – поясняет.

– Ааа, – протягиваю. – Не знаю, еще не понял, – неопределенно пожимаю плечами.

Если друг полагает, что я вырвался из оков гнетущего меня брака, то он глубоко заблуждается. Это было лучшее время, в котором я был счастлив. По крайней мере первые четыре года точно.

Но и беспомощным я себя в одночасье не стал ощущать: я давно забочусь о себе сам, последние два года как пить дать.

Ухмыляюсь, когда ненароком вспоминаю слова моей уже бывшей жены: «Милый, погладь себе в конце концов рубашку, а то люди подумают, что я у тебя ничего не делаю». Или ее фирменные завтраки... единственный несгоревший омлет до сих пор мне снится в кошмарах. Поэтому у меня не было иного варианта, как научиться готовить самому, чтобы прокормить себя и свою Богиню.

– Таак, а эти что здесь забыли? – мой поток мыслей прерывает Максим.

Он смотрит куда-то вперед, и на его лице начинают играть желваки. Прослеживаю за его взглядом и натываюсь на занимательную картину: беременная Сашка ведет под руки с

одной стороны мою бывшую, с другой – подругу Агаты. Я ее знаю, но не помню, как ту зовут. Девчонки выглядят экстравагантно и ярко: рыжая Сашка с огромным животом, белокурая Агата, худая как селедка, и темноволосая подружка с выдающимися нижними «глазами», выпрыгивающими из маленького лоскутка кофточки. Так себе косплей на «Виагру».

Эта «святая троица» направляется прямо к барной стойке, у которой толпится возбужденный народ.

Максим, открыв рот, наблюдает за своей женой, которая старательно пытается взобраться на высокий барный стул со своим беременным животом. Сашка единственная присаживается, когда оставшиеся две подружки стоят по разные от нее стороны.

Мне до коллик в животе забавно. Они выглядят настолько комично, что мне не удается сдержать хохоток.

Максим смотрит на меня злобным взором, только я не могу понять, на кого он сейчас больше злится: на меня, или на свою жену.

– Ты стуканул где мы? – спрашиваю Макса.

Друг отрывается от созерцания своей жены и поворачивается ко мне.

– Я, по-твоему, на стукача похож? – Макс вспыльчивый и довольно быстро заводится. Он откидывает от себя стакан, и тот катится по столу, ударяясь о бутылку коньяка.

– Ладно, понял, – выставляю ладони вперед в примирении.

тельном жесте. Стычка с другом сегодня не входила в мои планы.

– Мужики, я не понял, там за баром ваши жены, что ли? – Вадим только сейчас замечает девушек.

– Ага, – одновременно отвечаем с Филатовым, у которого, очевидно, подгорает.

– А кто темненькая с ними? – уточняет Вадим.

– Подружка Агаты. Не помню, как зовут, – пожимаю плечами.

Макс вскакивает с места и направляется устрашающей походкой в сторону девушек. Страшно становится даже мне.

Но за метр до девчат, замедляется, а следом осторожно касается плеча своей жены. Сашка вздрагивает и оборачивается. Хмуро сканирует мужа, а затем с огромной улыбкой до ушей повисает у него на шею.

Освободившись от объятий жены, Максим приобнимает Агату и целует ее в щеку, кивая третьей подружке.

Очевидно, в этот момент Макс сообщает обо мне, потому что четыре пары глаз устремляются в мою сторону как стрелы. Саша машет мне рукой и посылает воздушный поцелуй, а я салютую ей стаканом с виски. Агата тут же отворачивается, поджав губы и задрав свой еврейский нос. Друг о чем-то оживленно рассказывает своей беременной супруге, отчего Сашка моментально спрыгивает с барного стула, воинственно складывает руки под грудью и отрицательно крутит головой. Я округляю глаза, когда Филатов яростно ударяет ладо-

нюю по барной стойке и направляется к нашему столику.

– Ненормальная! – бубнит, протискиваясь к своему месту и шаря по дивану в поисках своего телефона. Смеюсь про себя. Эта парочка удивительным образом подходит друг другу. Сколько помню, эти двое постоянно соревнуются в словесной перепалке, и я даже не берусь сказать, у кого это получается лучше. – Я собирался отвезти ее домой, – сокрушается друг, – так эта ненормальная отказывается, ты прикинь? Говорит, не бросит своих девочек, – делает в воздухе кавычки.

– Согласен. Здесь не место беременным, – поддерживаю друга.

Смотрю в сторону девушек: Саша все так же сидит на стуле и периодически посматривает на наш столик, а Агата с подружкой уже долгое время стараются дозваться бармена, который их категорично игнорирует.

Клуб набит под завязку.

У барной стойки толпится огромное количество человек, и каждый пытается привлечь внимание бармена. Девчонок пихают со всех сторон, и я действительно начинаю опасаться за Сашку, как бы ту случайно не толкнули в живот.

Максим находит телефон и возвращается к девушкам. Филатовы начинают снова пререкаться, а Агата закатывает глаза.

Достаю мобилу из кармана и набираю Макса.

– Уже соскучился, малыш? – спрашивает друг и смотрит на меня, играя бровями.

– Да пошел ты, – смеюсь и показываю другу средний палец. – Веди девчонок к нам.

– Понял.

Я уверяю себя, что делаю это ради беременной Саши, чтобы ты максимально обезопасить от неконтролируемой пьяной толпы. За столиком им с Максом будет удобнее выяснять отношения.

Макс помогает жене спуститься со стула и они, взявшись за руки, идут к нашему столику. Агата с подружкой зеркалят их действия и плетутся следом.

– Всем привет! – машет Сашка и улыбается своей самой милой улыбкой.

Когда они с Максом протискиваются к диванчику, я встаю и сминаю Сашу в дружеских объятиях.

– Эй, полегче! – хмурится Макс. – Не прижимайся слишком близко к моей дочери, – это шутка, но, зная друга, угроза выглядит вполне себе реальной.

– Добрый вечер, мальчики! – приторным голосом припевает брюнетка.

Стробоскоп яркой вспышкой освещает лица девушек, и я не могу скрыть удивления. Агата никогда так вызывающе не красилась. Ее боевой окрас выглядит, как минимум, нелепо и пошло.

– Девчонки, присаживайтесь! – Вадим придвигается ко мне, уступая место девушкам.

Пронырливая подружка опережает Агату и усаживается

рядом с Вадимом.

Бывшей жене достается место в кресле напротив меня.

– Как дела? – зачем-то спрашиваю её я.

– Не хочу тебя расстраивать, но у меня все хорошо, – Агата задирает подбородок и выпрямляет спину.

Это такой тонкий еврейский юмор. Успел узнать за шесть лет.

– Девчонки, что пить будете? – спрашивает Вадим, заглядывая в зону декольте брюнетки.

– Ты у них спрашиваешь? – кивком головы указывает брюнетка на свои «девьяности», которые все «сто шестьдесят».

Девчонки одновременно начинают смеяться, видя в ответе брюнетки забавное и остроумное. Они явно уже «навеселе», кроме Саши, но той и пить не надо, чтобы поднять себе и другим настроение. А вот Агата с подружкой под приличным градусом, и их макияж тому доказательство. У жены... черт, бывшей жены – расфокусированный взгляд, и ее слегка пошатывает, но внутренняя Богиня пока еще под контролем, чего не скажешь о подружке – ту совсем развезло.

– И у них тоже! – Вадим протягивает руку брюнетке. – Кстати, я Вадим.

– Юля, – кокетливо пожимает протянутую лапу Вадима и поправляет вырез кофточки. Юля! Ну всё, вспомнил! – Я буду «Космополитен», – жеманничает брюнетка, а сама пускает слюни на наш коньяк.

Забавно.

– Мне воды без газа, – оповещает Саша и жметя к Максу.

– А тебе что заказать? – спрашиваю Агату, раз уж у нас разыгрывается джентльменство.

– Текилу и лимон, – бывшая выпрямляет спину и закидывает ногу на ногу, отчего ее короткая черная ночнушка задирается по самое не хочу, оголяя длинные загорелые ноги.

Я же правильно понимаю, этот кусок тряпки – ночная сорочка или что?

– Ты же не пьешь текилу? – натягиваю брови на нос.

Агата никогда не любила текилу, называя ее «бычьей мочой».

И не спрашивайте почему. Уверен, она сама не знает.

– Не пила, – устремляет на меня свои ледяные серые глаза. – В браке.

Ааа, вон оно что!

Но красиво, твою мать. Точный удар по яйцам.

Принимается.

Пока мы ждем заказ, ощущаю напряжение.

Сашка воркует с Максом, периодически поглядывая то на меня, то на Агату, а Вадим спелся с брюнеткой Юлей.

Празднование моего развода уж больно стало напоминать обычные посиделки парами.

Нам приносят напитки, и за столом становится активнее, но напряжение никуда не исчезает, а потому расслабиться совершенно не получается.

– Я хххочу сказать тост! – подружка-подшофе поднимает стакан с нашим коньяком, потому что свой коктейль она опустошила за считанные секунды.

Все замолкают, глядя на брюнетку в ожидании.

Агата поднимает свой шот с лаймом.

– За Агату и Лллеона! – вскрикивает брюнетка торжественно. – Будьте счаст...(ик!)... ливы!

Мне кажется, в этот момент даже музыка в баре стала играть тише, а все присутствующие просто замерли в небывалом шоке и уставились на нас.

Да я и сам прифигел.

Никто за столом не спешит «чокаться», а Агата так и вовсе ставит с грохотом свой шот обратно на стол.

Брюнетка непонимающе обводит всех взглядом, а потом, словно получив озарение откуда-то свыше, добавляет:

– Каждый по отдельности, – и невинно так хлопает приклеенными ресницами.

Лицо Агаты перекашивается, будто по нему проехался КамАЗ. Максим, который в нашей компании самый суровый, начинает ржать и передает эстафету мне. И только Вадим непонимающе хлопает зенками.

Определенно, вечер перестает быть томным.

Агата хватает свой шот и со злостью опрокидывает его в себя. Морщится, берется за лайм и облизывает сочную дольку.

Следом опустошает вторую рюмку.

Кто-то сегодня решил напиться?
С горя или радости?

4. Агата

Я пьяна.

А еще дико хочу в туалет.

Очередь в сортир, как в Мавзолей.

Приспичило же вам всем одновременно и не вовремя...
для меня.

Стою в длинном темном коридоре и пританцовываю на месте. Мой мочевого пузыря скоро помашет мне ручкой и решится-таки на «мокрое дело».

Вероятно, четыре стопки текилы для меня многовато.

Смотрю на впереди стоящих девчонок: молоденькие совсем, сколько им? Семнадцать?

Пытаюсь вспомнить, кого сейчас слушает молодежь.

– Девчонки, там Сережа Лазарев приехал, скорее бегите!
Ииихааа... – поднимаю руки вверх в победном жесте и улыбаюсь зубами.

На меня смотрят как на дуру. Я понимаю это по перешептываниям: «Лазарев? Фи!», «Да, отстой», «Да кому он нужен?», «А кто это вообще?».

И все в таком духе.

Эмм... Ладно, не прокатило и Бог с ним. С Лазаревым.

У-уу, не могу, как же в туалет хочется!

Опять пускаюсь в свой «туалетный танец».

А еще голова жутко кружится, ммм...

– Игнатова, а ты че здесь дрыгаешься? В зале на танцполе свободно.

Я и не заметила, как рядом материализовался Леон. Стоит, улыбается своей фирменной насмешливой улыбочкой, спрятав руки в карманы темно-серых джинсов. Рукава черной рубашки закатаны, открывая вид красивых жилистых рук. Ты смотри-ка, свадебный костюмчик снял и переделся, как на похороны. Хотя я сама стою в черном платье. Как символично. Похороны нашего брака.

– Очень смешно. Разве не видишь? Жду очередь в туалет, – указываю на очередь, которая почему-то никак не рассасывается.

– Ааа, – понимающе протягивает Леон, по-прежнему улыбаясь. – Ну удачи, —разворачивается и двигается прямо по коридору в сторону мужского туалета.

Я провожаю его завистливым взглядом, потому что бывший муж быстро скрывается за дверью сортира.

Вот почему мужские туалеты всегда свободны?

Наверное, хорошо быть мужиком: сделал дело и гуляй дальше. Нам же, девочкам, надо помимо нужд и губки подкрасить, и носик припудрить, и прическу поправить, и фоточки в красивом туалетном зеркале запилить, посплетничать, позвонить бывшему и сказать, какой он козел, позвонить настоящему, обозвав всё тем же козлом, поплакать, застирать пятно на кофточке, высушить, а потом вернуться за

столик при полном параде и гордо, подняв голову, сказать: «Такая очередь была в туалете, ужас. И что они там все делают?».

– Игнатова! – Меня кто-то зовет? Или это уже моча в голову ударила, вызывая галлюцинацию. – Агата! – раздается со стороны мужского туалета в сопровождении свиста. Нет, не послышалось. Смотрю в конец коридора и вижу Леона, машущего мне рукой. – Иди сюда!

Я срываюсь с места и бегу с улыбкой до ушей. Мой мочевой пузырь готов расцеловать сейчас весь мир. А я – бывшего мужа.

Леон пропускает меня внутрь, а сам закрывает дверь и остается с её внешней стороны. Я знаю, что он там стоит, облокотившись спиной о дверь, и будет стоять, пока я не освобожусь.

Улыбаюсь, потому что помню.

Мы были в кино, и за весь киносеанс я выдула две бутылки колы. По понятным причинам после фильма я понеслась сразу в туалет. И не одна я. Вся женская аудитория рванула туда же. Вот тогда Леон схватил меня за руку и потащил в мужской туалет. Я была обескуражена и возбуждена одновременно. Адреналин разливался по венам, заставляя сердечную мышцу усиленно качать кровь и ощущать невероятный прилив энергии. Стеснение сместилось азартом, неловкость – диким весельем.

Когда я вышла, за дверью скопилось несколько мужчин,

недовольно сверлящих меня взглядом. Не сговариваясь, мы переплели наши пальцы и пулей рванули к эскалатору, расталкивая толпу и хохоча до колик в животе.

В этот раз за дверью, кроме Леона, никого нет. Это радует, потому что сегодня никто от стыда меня спасать не будет.

Игнатов стоит, прислонившись к стене, и что-то печатает в телефоне.

– Я все. Спасибо, – оповещаю.

Бывший муж отрывается от экрана и смотрит на меня. Его телефон подсвечивает лицо, и мне видно, как он щурится, пытаюсь разглядеть меня в темноте.

Красивый. Мой бывший муж определенно красивый мужчина. У нас с ним одного цвета глаза – серые. Только мои имеют холодный асфальтовый оттенок, а его глаза теплые, мягкие, с пляшущими смешинками в них. Бывший муж много улыбается, отчего в уголках его глаз и рядом с губами появляются милые морщинки, которые совершенно его не портят. Многих женщин привлекает некоторая брутальность, холодность и дерзость в мужчинах. Например, такие, как Максим Филатов, муж Саши, может обаять своей наглой харизмой, а Леон... он другой. Он мягкий и открытый для других, с потрясающим чувством юмора, который покорила меня с самой первой минуты нашего знакомства.

Но, оказалось, этого мало для брака...

Мы возвращаемся к нашему столику, за которым сидит один Вадим, потому что Сашка с Максом уже уехали до-

мой. Друг Леона смотрит вперед в танцующую толпу, расслаблено откинувшись на спинку диванчика. Прослеживаю за его взглядом и вижу извивающуюся в танце Юльку. Подруга активно выписывает бедрами восьмерки и призывно машет мне рукой.

А почему бы и нет? Мы, собственно, ради танцев сюда и приехали.

Я пьяна и свободна.

Подхожу к подруге. Она радостно бросается мне на шею и крепко обнимает.

Я хохочу. Текила сделала свое дело и меня полностью захватывает танец. Зажигательная музыка сменяется плавной, медленной композицией. Девчонки обиженно покидают танцпол, оставляя нас с Юлей в одиночестве. Но вместо них выходят парочки и раскачиваются в медленном танце.

Я двигаюсь расслаблено и раскрепощенно. Алкоголь сделал мое тело легким и пластичным, я чувствую себя уверенной и сексуальной. А еще я знаю, что бывший муж смотрит. Ему всегда нравилось смотреть, как я танцую. Есть в этом какое-то интимное таинство – танцевать для своего мужчины.

Не знаю почему, но мне хочется, чтобы он смотрел.

Смотрел и сожалел о том, кого потерял.

Прыскаю!

Во мне слишком много алкоголя, раз я начала говорить фразами из статуса В Контакте!

Плавню покачиваю бедрами в такт музыки, обнимая себя руками. Юлька выделяет непонятные «па», а потом приближается ко мне и кладет свои руки мне на ягодицы. Я принимаю ее игру и разворачиваюсь к ней спиной, начиная вращать бедрами. Юлька поглаживает мои ягодицы, а я закидываю руки и обнимаю ее за шею. Возможно, это выглядит вульгарно, но я пьяна и разведена, а, значит, мне все можно. И если уж грешить, то хотя бы наслаждаясь грехом.

Поворачиваю голову в сторону нашего столика и встречаюсь со взглядом Леона. Сейчас в его глазах нет былой теплоты и смешинки. Они, как грозное стихийное небо, искаженное пугающей молнией.

– Девчонки, разрешите? – Вадим вклинивается между нами и начинает двигаться. Его движения похожи на танец паука: он приседает вверх-вниз на полусогнутых ногах, а руками пытается ухватить подругу за талию. Юлька смеется и уворачивается, но Вадим ловит ее, притягивает к себе и обнимает за талию.

Мне здесь больше нечего делать, да и бывшая расслабленность меняется головной болью и легкой тошнотой.

Иду к своему месту, еле волоча ноги и спотыкаясь.

На сегодня мне достаточно. Празднование моего развода в компании бывшего мужа можно считать оконченным.

Всем спасибо, все свободны.

Беру сумочку, достаю наличку и кладу на стол.

– Ты куда? – сощуренно спрашивает Леон.

– Домой.

– Деньги убери. Я заплачу, – Игнатов машет рукой пробегающему мимо официанту.

– Я в состоянии сама за себя заплатить, – включаю самодостаточную женщину, – ну если тебе очень хочется, и теперь некуда девать деньги... – подключаю к самодостаточной женщине обиженную и разведённую.

Леон усмехается, но решает галантно проглотить мою колкость. Он так делал всегда. Я колола, а он терпел.

– Не убегай, я провожу, – Леон встает и берет со спинки диванчика пиджак, осматривая стол, чтобы ничего не забыть.

– Зачем? – в недоумении спрашиваю.

– Я так хочу, – отвечает небрежно.

А я... я не хочу. Но об этом меня никто не спрашивает, когда, подхватив под локоть, мой бывший муж тянет меня на танцпол. Мы подходим ко все еще танцующим друзьям, и Леон о чем-то говорит на ухо Вадиму, не давая мне сбросить с предплечья его руку. Получив от поддатого друга кивок, мы протискиваемся между потными телами, а я пытаюсь сообразить, почему до сих пор не пресекла это тактильное взаимодействие.

Леон

Мы выходим из душного бара на свежий майский воздух.

Точнее, это я выволок сопротивляющуюся Агату на улицу, потому что моя компания в качестве ее сопровождающего – устраивать перестала. Теперь официально.

И это очередной напоминающий мне поджопник о том, что мы все-таки сделали это.

Мы развелись.

Ночами еще прохладно, и Агата ежится под порывами прохладного ветра. На ней, кроме короткого черного лоскута, ничего нет. Она обнимает себя за плечи, слегка покачиваясь на высоких каблуках. Тушь размазалась, оставляя немилые разводы вокруг глаз, а ее светлые мелированные волосы растрепались во все стороны. Агата редко бывает такой, вероятно, ее внутренняя Богиня уснула под действием текилы.

Я набрасываю ей на плечи свой пиджак, и она благодарно улыбается, кутаясь в него, как в халат, но не мне. Она улыбается теплу, а мне она перестала улыбаться... давно.

Поднимаю голову к ночному небу, закрываю глаза и глубоко вдыхаю ночной влажный воздух.

– Мое такси, – еле слышно шепчет Агата, переминаясь на каблуках и заторможенно хлопая глаза.

Киваю.

Развернувшись, она направляется к нему, а я следую за бывшей женой и открываю ей заднюю дверь. Агата пытается снять пиджак и вернуть мне, но я подталкиваю её в салон, кивком головы показывая, чтобы двигалась дальше.

Сажусь рядом.

– А ты куда собрался? – у Агаты расширяются осоловелые глаза до размера с блюдце.

– Сказал же, провожу.

– Я думала до машины, – Агата кутается с носом в мой пиджак. Я вижу, как она борется с накатывающей дремотой, но радуюсь, что на сопротивление со мной у нее не хватает сил. – Имей ввиду: на чай приглашать не буду, – зевнув где-то в отвороте моего пиджака, послушно сдвигается.

Усмехаюсь.

Мы едем в полном молчании.

Машину мерно покачивает, мотор приятно гудит, а в салоне фоном работает радио. Агату сморило, и она, подвинувшись близко к моему бедру, укладывает свою голову мне на плечо. Я чувствую ее тепло и невольно вслушиваюсь в текст льющейся из магнитолы песни:

... Давай всё забудем

И просто мгновенье помолчим

Нам возвращаться нет причин

Улетай со мною в облака

В руке твоя рука

Побудь ещё со мной сейчас

Улетай со мною высоко

Сейчас мы далеко

Поверь, весь этот мир для нас («Улетай» Jay Leemo)

Я смотрю на расслабленные руки Агаты, в которых поко-

ится ремешок сумочки, и беру ее ладошку в свою. Я не знаю, что это: то ли слова песни так на меня действуют, то ли тепло ее бедра, которое касается моего, то ли запах, такой родной и привычный, но я переплетаю наши с ней пальцы и чувствую, что именно сейчас, здесь и в эту самую секунду так правильно.

«В руке твоя рука»...

Откидываюсь на спинку кресла, прикрываю глаза и позволяю себе ненадолго отключиться.

– Проспект Мира, – вздрагиваю и резко распахиваю глаза. Таксист смотрит в зеркало заднего вида, в котором мы встречаемся взглядами.

Уже?

Кручу головой по сторонам.

И правда – наш с Агатой дом. Точнее, теперь только ее дом.

Стараюсь растормошить спящую Богиню.

Она бессвязно бормочет, хмурит нос и размахивает руками, прогоняя от себя мой голос.

Под снисходительный взгляд таксиста, кое-как мне удастся вытащить Агату из машины, выслушав о себе много чего интересного. Пьянчужка грозно бурчит, но при этом устраивается в моих руках поудобнее.

И вот что с ней делать?

У меня нет с собой ключей от подъезда и квартиры, но они

точно есть у Агаты. Довольно неудобно держать ее на руках и рыться в её, казалось бы, микроскопической сумочке, в которой вместо ключей я нахожу всё: от косметических пробников до запасных колготок. Уверен, если попасть с женщиной на необитаемый остров, а при себе у нее будет только ее маленький клатч, то скорее всего мы сможем прожить некоторое время, ни в чем не нуждаясь.

Прислоняю Агату к подъездной двери, но ее ноги не слушаются, и девушка начинает плавно оседать.

Так дело не пойдет.

Снова беру Агату на руки и кладу на рядом стоящую скамейку. Нахожу ключи в ее сумке, подхожу к двери, открываю и ...жду?

Жду спящую на скамейке Агату.

Вот я осел!

Бросаю дверь, которая с глухим ударом, разрезая ночную тишину, тут же закрывается. Подхватываю бывшую жену на руки и несу к подъезду. Держу Агату одной рукой и коленкой ноги, а второй рукой пытаюсь открыть дверь. Это чертовски сложно и неудобно. Мышца в предплечье забивается и начинает неконтролируемо вибрировать, и сейчас я искренне готов придушить свою спящую бывшую супругу, все равно она ничего не почувствует.

Наверное, кто-то святой увидел мои мучения и сжалился надо мной, потому что в одно мгновение отрывается подъездная дверь и из нее показывается голова в косынке.

Этот кто-то является нашей соседкой со второго этажа, и она далеко не святая. Та еще главная сплетница района.

– Лень, ты, что ль? – вглядывается.

– Я! Я, баб Галь, открывайте, – натужно сиплю. Агата хоть и худая, но держать расслабленное тело одной рукой, знаете ли, ощутимо. При том, что я и сам не трезв.

Старушка широко открывает дверь и пропускает нас с Агатой.

– Что-то давно тебя не видно, сынок. Уезжал куда? – ну как же без вопросов. – А это Агатка, что ль? – баб Галя всматривается в лицо Агаты, у которой неэстетично открылся рот. Эх, сфотографировать бы, но третьей руки не имею.

– Она, баб Галь, – иду к лифту. – Ага, уезжал, на Кубу, – серьезно отвечаю, а самому ржать хочется невероятно.

Бабулька оббегает меня спереди и нажимает кнопку лифта.

Вот спасибо, милый человек!

– А что это с ней? – вновь косится на открытый рот бывшей супруги.

– Так пьяная, – говорю, как есть. – Да еще и с мужиком левым застукал, – добавляю.

Я же должен получить компенсацию за все эти неудобства?

Баба Галя распахивает глаза и прижимает ладонь ко рту, осуждающе качая головой.

– Вот девки непутевые пошли. Мужик в Тверь, жена в

дверь. Тьфу, срамота, – заключает.

Согласен.

Напоследок баб Галя бросает брезгливый взгляд на спящую Агату и направляется к лестнице, а я захожу в лифт.

Довольный результатом жму носом кнопку этажа и чувствую несказанное удовлетворение.

В квартире пахнет алкоголем и едой.

Двигаюсь в известном мне направлении спальни и укладываю спящую Богиню на кровать. Снимаю с нее туфли и свой пиджак, отношу вещи в прихожую, а потом иду в ванную мыть руки. Оглядываю помещение на наличие следов присутствия мужика: в стаканчике одна зубная щётка, а на полочках – куча бабских принадлежностей. Открываю навесной шкафчик и нахожу в нем мужской бальзам после бритья. Ожидаемо, меня должны напрячь найденные мужские улики, но я расплываюсь в широченной улыбке и удовлетворенно улетаю в воспоминания:

однажды я предложил Агате свой бальзам после бритья, когда закончился ее. После этой незатейливой услуги я часто стал замечать, что мой бальзам слишком быстро заканчивается, а от Агаты периодически попахивало ментолом и эвкалиптом. Мы лежали в постели, а меня накрывало стойким ощущением, будто я сплю с мужиком, а не с женой.

Прохожу в кухню и понимаю, почему в квартире стоит ал-

когольный фан: коробки с недоеденной пищей свалены на столе, а на столешнице и в мусорном ведре – несколько бутылок вина. Вот, значит, как и где девчонки начали отмечать наш развод до приезда в «Галактику».

Убираю картон в мусорный мешок, собираю пустые бутылки, открываю окно, чтобы проветрить. Любопытство берет надо мной верх, и я заглядываю в холодильник: сыр, творожки, кефир, пачка фиников, колбасная нарезка, яйца и молоко. Не густо, но в репертуаре Агаты. В шкафах кастрюли и сковороды стоят так, как в последний раз расставил их я.

Было сложно не заметить, как жена... черт, бывшая жена похудела. Мои внутренности сжимаются в тугой узел, который давит в груди. Я чувствую себя скотским хозяином котенка, которого несколько лет отогревали, откармливали, а потом выбросили голодать и скитаться. Мне хочется взять эти чертовы кастрюли и наготовить еды для ее тощего, прозрачного тела.

«Но теперь это не моя забота, она сам так захотела», – тут же напоминаю себе.

Бесшумно прохожу в гостиную и включаю напольный торшер. Осматриваю комнату: всё на своих местах, кроме совместных фотографий. Я не живу здесь уже 2 месяца, а прожил три года. Не могу сказать, что эта квартира стала мне родным домом, ведь я не успел к ней привязаться. По большей части за эти годы я промотался по командировкам, а эта квартира была местом, куда я возвращался, чтобы переспать,

принять душ и переодеться. Куда ближе была наша старая однушка, в которую мы въехали сразу после свадьбы. В ней мы действительно были счастливы. В маленькой тесной однокомнатной квартирке с чугунной ванной и линолеумом на полу, с собственноручно поклеенными обоями и выложенной дешевой плиткой в санузле.

Этой квартирой занималась Агата самостоятельно. Дизайнерский ремонт, дорогая мебель, интерьерные решения – все это не сделало нас счастливее, ведь основного в этой квартире не было – согласия, уюта и того самого очага, которого так настойчиво нам желали на свадьбе.

Слышу, как Агата начинает беспокойно стонать. Захожу в спальню и наблюдаю за трепещущей на покрывале Богиней. Она бормочет что-то нечленораздельное и начинает кашлять.

Боже правый, не хватало мне еще в самую первую безбрачную ночь караулить пьяную бывшую жену и держать ей тазик. С ума сойти, Игнатов, ты собрал сегодня полное комбо!

Сбегаю в ванную, беру наш единственный таз и ставлю рядом с кроватью. Мне не улыбается стоять так всю ночь, а коньяк и два часа ночи берут свое: глаза тяжелеют, а тело наливается свинцом. Неконтролируемая зевота пытается расшевелить мой засыпающий мозг, но сил на сопротивление все меньше и меньше. Обхожу кровать с другой стороны, вытаскиваю из-под Агаты покрывало и ложусь рядом. Я всего

лишь хочу прилечь, ведь если ей станет плохо, я услышу. Я не собираюсь спать, мне необходимо только горизонтальное положение, чтобы...

Агата

Мне так хорошо и комфортно, будто я завернута в теплый кокон из хлопка. Я не в силах открыть глаза, но точно знаю, что дома. Пытаюсь вспомнить, на каком этапе меня выключило. Последнее, что помню – это то, как я танцую, а дальше пустота. Кажется, я много выпила, но прислушиваясь к своим ощущениям, не чувствую головной боли, разбитости или головокружения. Только хочется пить и почистить зубы.

Постепенно ко мне начинают возвращаться органы чувств: запах, до боли знакомый, пряный, с насыщенным хвойно-цитрусовым оттенком, успокаивающим ладаном, сандалом и мускусом. Ммм, мой любимый Bleu de Chanel. Дальше включаются в работу органы осязания, и кожей я чувствую тепло, которое начинает распространяться сзади, со спины, и вибрациями передается по всему телу, покрывая его мурашками. Мне приятны эти тактильные ощущения. Потребность прижаться —слишком заманчива, и я с огромным удовольствием прижимаю свою пятую точку к источнику тепла.

– Игнатова, не ерзай.

Голос: такой хриплый, такой знакомый, обволакивающий,

одновременно успокаивающий и возбуждающий.

Говори, прошу тебя, говори.

Мне нравится тонуть в этом голосе, запахе и тепле, поэтому я сильнее жмусь к мужу, ощущая своим задним местом горячую твердость.

Стоп.

К какому мужу?

– Агата, черт возьми, я же не железный.

Леон?

Резко распахиваю глаза и переворачиваюсь на 180 градусов, сталкиваясь с ухмыляющейся физиономией своего *бывшего* мужа.

– Игнатов, какого черта ты делаешь в моей постели? – вскакиваю и сажусь в постели, прикрываясь покрывалом. Затем приподнимаю его и, убедившись, что одежда на мне, перевожу взгляд на Леона.

Засранец лежит, закинув руки за голову, прикрытый пледом в области бедер, и широко улыбается. Игнатов – ровно тот случай, когда, просыпаясь, он выглядит так, будто и не ложился: слегка взъерошенные волосы, придающие хулиганский и расслабленный вид, абсолютно свежее, непомятое лицо и здоровая чистая кожа. Мне страшно представить, как в данную минуту выгляжу я. Но, с другой стороны, я же у себя дома, во-вторых, я к себе в постель никого не приглашала, по крайней мере я надеюсь на это, потому что в трезвом состоянии я этого не делала уж точно, а в остальном действу-

ет «золотое правило похмелья»: не помнишь – значит не было! Ну а в-третьих, Игнатов – это ... ну это Игнатов, бывший муж, который видел меня разной.

– Это так ты меня благодаришь за проявленную заботу? – выгибает насмешливо бровь.

– Что? Какую заботу? – смотрю в его хитрые серые глаза.

– Ну как же? Такси вызвал, домой доставил, в постель уложил, тазик подставил, всё в целости и сохранности, – кивком головы указывает на меня и ощупывает мое тело заинтересованным взглядом.

– А что могло бы со мной произойти?

– Да ты уже в такси отключилась. Если бы не я, нашла бы себе приключения на свою шикарную задницу.

– Моя шикарная задница больше не твоя проблема, Игнатов. Ответственность с тебя еще вчера утром сняли вместе со штампом в паспорте.

– Я не мог поступить иначе. Это сработало на инстинктивном уровне.

– Надеюсь, вот это, – указываю пальцем на бугор в области паха, прикрытого покрывалом, – тоже на инстинктивном уровне.

Леон глубоко и громко смеется.

Его смех хриловатый и низкий, но такой пробирающий, что тоже начинаю улыбаться.

– Это природа. Не переживай, Игнатова, к тебе *ЭТО* никакого отношения не имеет, – бывший муж выразительно из-

гибает бровь и откидывает покрывало в сторону, демонстрируя свой «поднятый кран».

– Матерь Божья, Игнатов, ради всего, что между нами было, избавь меня от показательных выступлений, – прикрываю лицо руками, а сама краснею, как школьница.

Да что это со мной? У меня горят щеки, и я смущаюсь. Смущаюсь!

Я, Игнатова Агата, прожившая в браке 6,5 лет, смущаюсь бывшего мужа, которого знаю вдоль и поперек. Да я даже смогла бы нарисовать по нему карту со всеми родинками, шрамами, морщинками и волосками.

Вскакиваю с кровати и несусь в ванную. Не хочу, чтобы бывший муж видел, как полыхает мое лицо и частит сердечный ритм.

Смотрю на себя в зеркало.

Боже правый, кто это?

Тушь размазалась, оставив вокруг глаз разводы, помада с губ перебазировалась на левую щеку, а в моих волосах птицам можно вить гнездо.

Как же так случилось, что в первое свободное от брака утро, мы проснулись в одной постели?

Я надеюсь, что, когда выйду из душа, Леона уже не будет.

Принимаю душ, мою голову, на лицо наношу угольную тканевую маску, влажные волосы оборачиваю в полотенце, а на голое распаренное тело набрасываю махровый халат.

Выхожу из ванной комнаты и прислушиваюсь к звукам.

Слышу, как из кухни доносится негромкая музыка, как льется вода из крана, слышу звуки звенящей посуды и скворчащей сковороды.

Игнатов!

Всё еще здесь, засранец.

Почему не ушел?

Переминаюсь в дверях и смотрю на парня в джинсах и с обнаженным торсом. Леон стоит спиной ко мне и колдует над электроплитой. Он ловко орудует лопаткой, переворачивая что-то аппетитно пахнущее. Стол аккуратно сервирован: тонко нарезанный сыр, поджаренный хлеб, творог с сахаром и две чашки с дымящимся ароматным кофе.

Игнатов всегда умел сделать кашу из топора. При минимуме продуктов бывший муж с легкостью мог устроить пир, вот, как сейчас. Меня восхищало это его умение, ведь из меня повар никудышный. Мой максимум – кофе с бутербродами и сваренная пачка пельменей. И те разварятся и слипнутся.

– Твою ж..., Игнатова! – вздрагиваю от мужского визга и глухого шлепка. Леон смотрит на меня с нескрываемым ужасом, а в ногах валяется упавшая лопатка. – Ты как ожившая мумия. Предупреждать надо. Что за мерзкая слизь на твоём лице? – морщится Игнатов, – ты прилепила медузу?

– Это омолаживающая маска, невежда, – оскорбленно уточняю я. – И я, вообще-то, у себя дома, – по-царски прохожу в кухню, нарочито медленно и высокомерно задрав под-

бородок. – А вот, что ты здесь до сих пор делаешь, – это вопрос.

– А я здесь готовлю нам завтрак, не видишь? – Леон приподнимает крышку со сковороды, и из нее на меня смотрит воздушный омлет.

И я его вижу. Я и омлет. Мы смотрим друг на друга.

А еще я чувствую этот аппетитный, слюновыделяемый, головусносящий запах!

В этой квартире давно так не пахло – едой. И от того она казалась безжизненной и холодной. У каждого дома должен быть свой запах так же, как и у человека. Когда ты оказываешь в новом месте, свое первое впечатление и первую информацию ты получаешь не при помощи органов зрения, а вместе с первым глубоким вдохом. Ты еще не можешь знать, что увидишь за той дверью или за тем поворотом, а чувствовать можешь, различать запахи, понимать – нравится тебе или не приятно, делать выводы, принимать решения. В доме, где я росла, всегда пахло уютom, выпечкой и немного пейзаховкой*. В квартире Филатовых пахнет стерильностью и дорогим кофе, у родителей Леона – лекарствами вперемешку с запахом их старой домашней кошки. Невольно передергиваю плечами от воспоминаний о плешивом, вечно недовольном, ленивом коте Багратионе. Думаю, его почивший тезка не раз переворачивался в гробу при каждом сравнении прославленного генерала и старого вшивого тунеядца, который за все свое никчемное существование только жрал, спал и

вылизывал свои гениталии. Я его ненавидела. Как и он меня.

Мой желудок жалобно скулит, когда раздраженные рецепторы улавливают такие крышесносные ароматы. Ему до лампочки, кто и при каких условиях сотворил это волшебство, потому что первичные потребности подчиняют и вытесняют второстепенное, и к тому же, какой нужно быть идиоткой, чтобы отказаться от услуг, когда тебя хотят вкусно накормить.

Я – не идиотка, и я хочу есть. Всё предельно понятно. Поэтому смиренно сажусь за стол, поджимаю под себя ноги и жду, когда Богиню накормят.

Мы сидим напротив друг друга точно так же, как сидели в браке. Леон что-то читает в телефоне, наверное, опять по работе. Он надел рубашку, но не застегнул пуговицы, поэтому сейчас я пью кофе и таращусь на пресс мужа.

Бывшего мужа.

Рельефный твердый живот, смуглая чистая кожа и аккуратный пупок...

Аккуратный пупок, Игнатова?

«И достанется же кому-то такое счастье», – думаю я, разглядывая Леона.

– Кому-то чертовски повезет! – ржет Игнатов.

Я что, сказала это вслух?

– Женщины мира должны быть мне благодарны: такую редкую мужскую особь от себя со слезами оторвала, – деланно всхлипываю и прикладываю руку к груди.

Леон откидывается на спинку стула и трясётся всем телом от смеха.

Удивительно, насколько непредсказуема жизнь: я и мой бывший муж сидим на нашей кухне, завтракаем, непринуждённо шутим, и я невольно задумываюсь о том, когда в последний раз, будучи в браке, мы вот так мирно существовали, болтали и смеялись? Последние полгода до развода я практически жила одна. Леон был в вечных разъездах, командировках, переговорах, совещаниях, а когда появлялся дома – мы постоянно ругались. Мои истерики – его крики, мои упреки – его обвинения, мои недовольства – его раздражение...

И так по замкнутому кругу...

У нас общие друзья, поэтому наши встречи неизбежны. И никому из ребят не будет приятно видеть и слушать наши взаимные перебранки. Мы обещали друг другу сохранить после развода хорошие дружеские отношения и постараться держать себя в руках, без скандалов и истерик.

Мне кажется, у нас неплохо получается!

Да мы, черт возьми, идеальные разведенные!

**нейсаховка – традиционный еврейский алкогольный напиток на основе изюма, еврейская водка.*

7. Агата/Леон

Агата

– Я безумно рада за тебя, Яна, – крепко обнимаю невероятной красоты девушку. —Ты заслуживаешь счастья.

– Спасибо, дорогая! – Яна отстраняется от меня и начинает рыться в своей фирменной сумочке. – Но, помимо того, что ты будешь главным мейкапером на свадьбе, я бы очень хотела, чтобы еще ты там была и в качестве гостыи, – длинноволосая брюнетка протягивает мне глянцевый белоснежный конверт, на котором золотыми буквами написано «Приглашение на свадьбу», – для меня это важно.

Наверное, сейчас я похожа на резиновую куклу из интим-магазина – с такими же выпученными глазами и открытым ртом. Сказать, что я удивлена, – ничего не сказать. Это впервые за всю мою практику, когда клиентка, она же будущая невеста, приглашает меня на торжество.

Пребывая в шоковом состоянии, открываю конверт.

Приглашение на два лица.

Яна не знает, что вот уже как неделю, я совершенно свободная женщина.

– Спасибо. Но...

– Ничего не хочу слышать, – перебивает Яна, касаясь моей руки. – Я очень хочу, чтобы ты поделила со мной этот важный день.

Яна смотрит на меня такими огромными щенячьими глазами, что, кажется, мой отказ разрушит ее наивный хрупкий мир.

– Я приду, – соглашаюсь. – Но только одна.

Вот за что мне нравится Яна, так это за то, что она, имея достаток и все блага райской жизни, совершенно не испорчена деньгами, роскошью и красивой жизнью. Родители Яны, обеспеченные и успешные бизнесмены, смогли воспитать незазнавшуюся, неизбалованную, ответственную красавицу-дочь.

Яна – молодая, начинающая модель с ногами от ушей, кукольным личиком, длинными натуральными волосами и осиной талией. Я часто крашу девочек из их модельного агентства для фотосъемок и показов. С Яной мы как-то сразу легко нашли общий язык. Она наивна, доверчива и безотказна. Такой набор качеств очень нехарактерен для моделей, но Яна смогла остаться прекрасной маленькой гуппи среди прожжённых, зубастых акул этого бизнеса.

Девушка тактично молчит и кивает, давая понять, что я услышана. Она ничего не спрашивает и не лезет в душу.

Меня переполняет гордость и тщеславие. Доверить мне лица абсолютно всех гостей такой шикарной свадьбы – для меня главный показатель моей работы.

Яна убегает, оставив после себя легкий жасминовый шлейф.

Свадьба через три недели, и у меня не так много времени,

чтобы найти подходящий наряд и придумать подарок молодоженам, у которых есть все.

Леон

Устало тру красные воспаленные глаза и делаю глоток виски.

За пять напряженных дней сто грамм карамельного Jim Beam действуют на меня, как живительной напиток Богов.

Пять дней непрерывной работы, встреч, дискуссий, партнерских воркшопов, выставок, презентаций...

Мы привезли с форума новые знакомства, контракты, опыт, проблем на голову и заднее место.

Сразу после аэропорта я не поехал в съемную квартиру, а решил заскочить в офис, чтобы оставить документы и кучу рекламной макулатуры.

В дверь осторожно стучат, а следом я вижу голову Алины в дверном проеме.

Смотрю на часы – время половина девятого вечера.

– Можно? – вкрадчиво спрашивает Алина и, дождавшись моего кивка, входит в кабинет.

– Ты же поехала домой, – не то спрашиваю, не то констатирую.

– Поехала, переделалась и решила составить тебе компанию, – Алина пожимает плечами и неуверенно продвигается к моему столу. – Ты не против?

Действительно, Алина переделалась: на ней обтягивающие

джинсы и кофточка с глубоким вырезом. В рабочее время Алина себе такого не позволяет. Но последнюю неделю гардероб моей помощницы кардинально изменился. Теперь в нем стало больше открытой одежды, юбки стали короче, брюки уже, а блузки прозрачнее.

Я не слепой и всегда догадывался о симпатии Алины ко мне. Но открыто девушка никогда не проявляла интереса, во-первых, я был женат, что несомненно останавливало Алину, а, во-вторых, я никогда не давал повода для откровенного флирта. Сейчас картина изменилась, и Алина прекрасно знает, что вот уже неделю я в разводе. Ее внимание стало частым, открытым, но не взаимным с моей стороны. Несомненно, Алина симпатичная девушка. Она умная, порядочная, дисциплинированная. С ней мы работаем больше двух лет, и она никогда меня не подводила и не давала ни единого шанса усомниться в ее профессионализме.

Агата постоянно меня ревновала к ней и закатывала истерики. Она – самый настоящий софист, потому что так методично и хитроумно уверять меня в моей же измене с помощницей может только Агата. Да я, черт возьми, сам начал в это верить. Но видит Бог, я никогда не предавал наш брак и отношения, так что моя совесть чиста. Хотя бы перед самим собой.

Смотрю на девушку и сравниваю: в отличие от худой Агаты Алина фигуристая: у нее округлые женственные формы, длинные темные волосы, аккуратно сложенное лицо и прият-

ный голос. Многие наши клиенты и партнеры ни раз говорили о том, что у моей помощницы гипнотизирующий тембр, от которого они млеют и готовы подписать любые документы.

Зачем я сравниваю бывшую жену и свою помощницу?

– Не против. Присаживайся, – указываю на кресло напротив себя и беру с тумбочки чистый стакан. – Будешь? – предлагаю карамельный бурбон.

– Если только совсем немножко, – Алина смущается и мило краснеет. Делает небольшой глоток виски и жмурится, обмахивая себя рукой. – Ух, крепкий!

Улыбаюсь.

Она милая.

Прослеживаю за долгим внимательным взглядом помощницы и вижу, что девушка смотрит на мою кисть, в которой зажат стакан с виски. Точнее на пальцы.

Кольцо...

На безымянном пальце все еще надето обручальное кольцо.

Почему я его не снял?

Знаете, это как годами слаженный набор механических действий: принял душ, оделся, надел часы, кольцо и побежал.

Однажды я случайно забыл его дома, а потом весь день растирал палец и нервничал, ощущая какую-то незавершенность, неправильность и пустоту. Не знаю, как будет сейчас,

но надо начинать отвыкать.

Алина отводит взгляд, и на ее лице появляется эмоция, схожая с разочарованием или огорчением.

Она думает, что это кольцо имеет для меня значение?

Снимаю не без труда и кладу обручалку в карман брюк. Алина заметно оживляется, но слишком довольного вида старается не подавать. Она прекрасно воспитана, сдержанна и умело справляется с эмоциями, когда как Агата – сплошное минное поле: не знаешь где, когда и с какой силой долбанет. Все эмоции написаны у Агаты на лице, а ее ядовитый язык иногда хочется подрезать.

Зачем я их опять сравниваю? Черт.

Нам есть, что обсудить с Алиной, но время близится к одиннадцати, а завтра не выходной.

Только не у меня.

– Алин, ты на машине? – спрашиваю девушку, когда та заходит в мой кабинет с вымытыми стаканами.

Помощница отрицательно крутит головой и отводит глаза.

– Тогда поехали, отвезу тебя домой.

– Спасибо, но не удобно как-то, – мнется Алинка, а сама сияет ярче уличного фонаря.

– Про «неудобно» сама знаешь, как говорят. Собирайся.

– Спасибо, Леон Борисович, что подвезли! – Алина кокетливо улыбается и берет за ручку двери.

– Без проблем. Отдыхай. И, кстати, завтра у тебя выходной. Заслужила!

Помощница радостно взвизгивает и, бросив мне на прощание «Спокойной ночи», скрывается в темноте подъезда.

Я смотрю вслед девушке и не спешу начинать движение.

Прислушиваюсь к себе, к своим ощущениям, но ничего во мне не отзывается.

Всю дорогу до дома Алины я автоматически потирал большим пальцем пустое место на безымянном, отчего чувствовал раздражение и дискомфорт.

Опускаю руку в карман брюк, достаю кольцо и надеваю на палец.

Глубоко выдыхаю и чувствую всю правильность и наполненность своего состояния.

Завтра.

Начну отвыкать завтра...

8. Агата

– Максим вечером заедет, потерпишь? – уточняет Филатова.

– Спасибо, Сашуль, буду ждать! А то пришлось голову мыть в раковине, представляешь? – выхожу из машины, нажимаю брелок и иду в сторону своего подъезда. – ...конечно перекрыла. Иначе, пока была бы на работе, устроила всемирный потоп, – смеюсь я.

А вот с утра мне так весело не было: во-первых, я бесовестно проспала, а, во-вторых, в ванной потек смеситель, окатив меня с ног до головы беспорядочным водным потоком.

У меня много знакомых: я перекрасила практически добрую половину нашего города, профили моих соцсетей трещат под натиском псевдо-друзей и подписчиков, каждый старается обратить на себя мое внимание, заискивая, лицемерно предлагая помощь и услугу, осыпая восхищениями и словами благодарности. Но только там, в виртуальной, искаженной жизни. А на деле, встретив друг друга случайно где-нибудь на улице или в торговом центре, проходят мимо, не здороваясь и делая вид, будто не узнают. Так стало часто случаться в нашем несовершенном мире: всего и всех слишком много, а обратиться за реальной помощью, к сожалению, не

к кому.

Само собой единственными людьми, кому я могла позвонить, – были Филатовы.

– Спасибо еще раз, Саш. Целую. Пока, – я прохожу мимо скамьи, на которой сидят моя соседка со второго этажа и две женщины с соседнего подъезда. – Здравствуйте, – на автомате приветствую и подхожу к подъездной двери.

– Здрааасте... – надменно вытягивает соседка баб Галя.

Мне сейчас показалось пренебрежение в ее интонации или я права?

Когда роюсь в сумке в поиске ключей, слышу за спиной перешептывания, но такие, чтобы я непременно услышала: «Вон, гляди, пошла. Это я вам про нее рассказывала», «Ага-ага», «Целую, Саш, тьфу...», «Слыхала, что муж застукал ее прямо за этим самым делом!», «Говорят, что он ее пьяную на дороге подобрал, когда любовник выкинул», «Ага, ага, тьфу, бесстыдница», «И не говори, Петровна, шаболда», «Шаболда и есть»...

Застываю на месте.

Рука с ключами висит у домофона, а тело окатывает ушатом раскаленного воска, который медленно стекает от шеи к стопам, оставляя болезненные ожоги.

Вот, что я сейчас чувствую.

А еще омерзение и злость.

Оборачиваюсь и сканирую притихших змей, начиная медленно наступать, как голодная тигрица перед прыжком. При-

саживаюсь рядом с соседкой со второго этажа, и та начинает инстинктивно двигаться в сторону, сдвигая своих подружек по сплетням на край.

– Вот это даа, баб Галь, какие новости! – округляю глаза и наигранно качаю головой. – А еще говорят, – понижаю голос до шепота, – что *ОНА* на завтрак ест младенцев, а на ужин старушек, у которых лживые и мерзкие языки, – практически в ухо ору наглой старухе, да так, чтобы наверняка расслышала.

Бессовестные сплетницы охают и переглядываются, а я вскакиваю с места и несусь в подъезд, не забывая от души хлопнуть дверью так, как терпеть не может вредная бабка со второго этажа.

Это же надо!

Уму непостижимо – такое насочинять!

Откуда они это выдумали?

Или... не выдумали, а кто-то... подсказал?

Таак...

Озарение приходит внезапно.

«Ну, Игнатов, ну погоди!»

Уже у себя в квартире вытаскиваю из сумочки телефон, набираю сообщение бывшему мужу, который, почему-то, до сих пор записан как «Муж».

Займусь этим позже.

«Я говорила, что ненавижу тебя?»

Ответ приходит практически сразу.

Муж: Да. И не раз

«Забудь. Я тебя ПРЕЗИРАЮ!!!!!!!» – печатаю, отправляю.

Жду ответного сообщения, но его нет ни через минуту, нет через пять и даже через десять. Я успеваю помыть руки, переодеться, как слышу звук пиликающего телефона:

Муж: В чем претензия?

Вот скотина!

Еще спрашивает!

«Ты еще спрашиваешь? Это ты распустил про меня слухи?»

Муж: Какие слухи?

«Игнатов, ты издеваешься?»

Муж: Игнатова, не делай мозги. Ближе к делу.

«Сегодня, когда я заходила домой, у подъезда соседки обсуждали меня. Тебе это о чем-то говорит?»

Тишина.

Вот козел.

Через пару минут:

Муж: Говорит. Раз обсуждают, значит, ты – интересная личность. Радуйся, Игнатова)))

Вот гад. И еще смайлы в конце поставил.

«Интересная личность? Как шаболда и пьяница? Так себе слава»

Вдогонку отправляю еще одно сообщение:

«Именно так они меня называли»

Тишина.

Вот козел!

Черт, козел уже был. Тогда осел.

Муж: А какое отношение это имеет ко мне?

Нет, ну это невероятно!

«Самое прямое. Ведь это ты распустил эти слухи.

Тебе не стыдно?»

И тут же:

Муж: Нет

Нет?

Вот так просто «нет»?

В смысле: *нет* – это не стыдно или *нет* – то, что к нему это не имеет отношения? Громко выдыхаю, отбрасываю телефон и хочу разозлиться.

Очень хочу. Заставляю себя злиться, но... но у меня не получается и я, закрывая лицо руками, начинаю смеяться.

Вот же засранец!

Ну погоди, Игнатов, я тебе еще припомню!

9. Леон

Резко распахивается дверь, и с широченной улыбкой в кабинет wpłyвает Алина с полными пакетами еды на вынос в руках.

– Ой, – пугается девушка и останавливается. – Простите. Я позже зайду, – виновато опускает глаза и быстро покидает мой кабинет.

– С каких пор обычная секретарша заходит к начальству без стука? – с ехидной улыбкой спрашивает Макс.

Друг зашел ко мне во время обеденного перерыва обсудить рабочие моменты. Мы сотрудничаем с Максом по договору аутсорсинга, выполняя полностью все функции программного обеспечения его спортивного комплекса.

Сейчас этот наглец сидит в моем кожаном кресле, закинув ногу на ногу, и щелкает шариковой ручкой.

– Ну, во-первых, Алина не секретарь, а моя помощница, а, во-вторых, тебя это не касается, – парирую.

– Да ну нафиг?! – Максим бросает ручку и ставит локти на стол, подаваясь ко мне всем своим массивным корпусом.

– Что?

– Ты замутил со своей помощницей?

– С чего ты взял? – фыркаю и отвожу взгляд.

Я не замутил, как выразился Максим, но с Алиной у нас,

определенно, сложились более тесные отношения, нежели «начальник-подчиненная».

С того самого дня, когда я подвез Алину домой, мы начали обедать вместе, а разговоры из рабочих ненавязчиво стали перетекать в более личные. Я не даю Алине лишнего повода и неоправданных надежд, потому что пока еще сам не решил, нужны ли мне новые отношения, а морочить девушке голову мне не хочется.

– Она смотрит на тебя с таким благоговением, как на икону Пресвятого Николая Чудотворца, – Максим делает ангельское, насколько это возможно, выражение лица и быстро-быстро моргает.

Клоун!

У мужика скоро двое детей будет, а он сам как дите малое.

– Макс, из твоих уст даже фраза «Пресвятой Николай Чудотворец» звучит пошло. Лучше заткнись.

Мы смеемся, и Макс бросает в меня скомканный бумажный кубарик.

Говорю ж, дите малое.

– Агату недавно видел, – меняет тему друг и делает серьезное лицо.

Он всё так же расслаблен и невозмутим, но его пристальное внимание не ускользает от меня, давая понять, что Макс пытается считать мои эмоции, либо вывести на те самые эмоции.

– Рад за тебя, – не поддаюсь на его провокации и пытаюсь

перевести наш, не туда зашедший, диалог. – Как Никитос?

– У нее смеситель сломался в ванной, – Максим не теряет надежды, но и я не оставляю попыток спасти наш пока еще непринужденный разговор.

– Сашке сколько еще ходить?

– Она попросила помочь, но я ж в этом не петрю, сам знаешь. Зато Андрюха был счастлив оказать помощь.

«Вот зачем, а?» – практически рыдает мой внутренний голос. Все ж так было хорошо.

Стоп.

Андрюха?

Какой, млин, Андрюха?

Юдин?

– Помог? – между делом уточняю.

– А то! Потом на чай остался, – друг довольно скалится.

Мы болтаем еще полчаса, и всё это время я перевариваю полученную информацию от Филатова и понимаю, что меня нешуточно бесит то, что какой-то левый мужик хозяйничал в доме моей жены, пусть и бывшей.

Почему она не позвонила мне?

Почему не попросила о помощи?

Мой поток иррациональных мыслей нарушает Алина, протискиваясь в кабинет с пакетами еды.

Сволочь-Филатов все-таки добился своего и вывел меня на эмоции.

Бросаю на невиноватую в моей чрезмерной амбивалент-

ности помощницу грузный взгляд, отчего девушка моментально вспыхивает и молниеносно удаляется.

Вот, за что я ценю Алину – она понимает меня без слов.

Карандаш в моих руках с треском ломается, а зубы, того и гляди, раскрошатся в муку. Чертов Филатов!

10. Агата

По обыкновению мои пятницы и субботы заняты подготовкой невест к торжеству, но сегодня тот редкий случай, когда я могла бы подольше поваляться в постели, а позже спуститься в кофейню и спокойно, без суеты, позавтракать.

Могла бы...

Но я сижу в гостиной на полу, обложившись платежками по коммунальным услугам, и не фигя не понимаю.

Что такое водоснабжение? И чем оно отличается от водоотведения? Почему бы просто не написать – «Вода»?

Кстати, где у меня счетчик воды находится?

А что значит ТБО: трубо-обслуживание, термо-био-организация?

Господи, что?

Я смотрю на разложенную перед собой макулатуру и плакать хочется. Всем этим всегда занимался Леон, а я понятия не имею, как снимать все эти показания!

Вчера в обед позвонила женщина из газовой службы, предупреждая, что в понедельник придет опломбировывать газовый счетчик. Я еле успела записать перечень документов, которые она просила подготовить. И я даже не уверена, что записала правильно, и, если уж на то пошло, я не уверена еще и в том, что все эти документы у нас есть, по крайней

мере с восьми утра я перерыла всю квартиру, но ничего, похожего на слова «паспорт газового оборудования» или «документ о праве собственности», я не нашла.

Меня накрывает чувство безысходности и собственной беспомощности. Прожить шесть лет в браке, и совершенно ничего не знать в быту, – стыдно. Я не склонна к рефлексии, но сейчас отчетливо понимаю, что абсолютно не готова, да и не способна вести домашнее хозяйство. Мне хочется по-детски топнуть ножкой, надуть губы и прокричать, что я – девочка, созданная дарить красоту этому миру, а не вот это вот всё.

Собираюсь заплакать, но мои попытки прерывает телефонный звонок по видеосвязи. Мама!

– Привет, мамуль! – практически всхлипываю я.

Да, мне себя жалко, и я не вижу в этом ничего постыдного.

– Привет, моя девочка! Как ты? – мамуля смотрит на меня своими теплыми глазами, и я осознанно понимаю, что безумно соскучилась по родителям.

Полгода назад мои родители переехали в Израиль. Папу давно тянуло на Родину, поскольку там живет практически вся его родня, включая брата-близнеца Натана, который так же, как и папа, работает врачом. Мама очень переживала из-за незнания языка, боялась потерять себя в чужой для нее стране, да и со мной расставаться ей совсем не хотелось. Но в последние два месяца я слышу исключительно восторженные отзывы в трубке и вижу счастливое лицо мамы, вот пря-

мо как сейчас!

– Мам, я соскучилась!

– Я тоже милая, я тоже! – мама делает печальное лицо и посылает мне воздушные поцелуйчики. – Знаю, что уже говорила, но впереди лето, и, возможно, у тебя получится вырваться к нам хотя бы на пару недель? В Петах-Тикве просто потрясающе, а погода сейчас какая, ммм. Да и твои братья хотят с тобой повидаться, – соблазняет меня мама.

– Обязательно передавай привет Аарону и Аврааму! Но с приездом не могу обещать. Лето – самый свадебный период. Ну как я брошу своих принцесс? – улыбаюсь маме. Я так рада ее видеть, что готова влезть в экран телефона.

– Всех денег не заработаешь, нужно и отдыхать, – поучительно напутствует.

Пожимаю плечами.

Что я могу ей сказать?

Это правда.

Жалостливо отвожу глаза и пытаюсь сдержать непрошенные слезы.

– Девочка моя, можешь не прятаться, я же вижу, что ты чем-то расстроена. Что случилось? – конечно, от мамы не скрыть моего шмыгающего носа и поганого настроения. Мамы они такие.

– Мам, мне так трудно, – не выдерживаю и начинаю реветь. – А еще одиноко. Я осталась совершенно одна с проблемами, о которых раньше не знала. Оказывается, за квартиру

нужно платить, а еще у нас есть счетчики, показания которых нужно снимать, а еще на дворе май, а я до сих пор езжу на зимней резине, и машина у меня не мытая уже несколько месяцев, – вываливаю всё, что накопилось. – А сейчас я смотрю на электрический счетчик и не понимаю, какие цифры нужно записать, понимаешь? Всем этим занимался Леон... – я не договариваю, потому что слезы Ниагарским водопадом стекают по щекам, оседая солью на губах.

– Ох... милая, – горько вздыхает мама.

Еще бы, ну что тут скажешь?

Безусловно, я утрирую и то, что квартира сама за себя не заплатит, я знаю. Но знаете, когда всю свою жизнь я прожила, необременённой излишними заботами, и когда рядом всегда были те, кто позаботится, поможет и решит все твои проблемы, не больно-то получается сходу вникнуть в устройство газового котла.

Да, в новых условиях я оказалась совершенно неприспособленной к самостоятельной жизни. Здесь нет всемогущего папы и всерешающего мужа. Есть только я. И мне нужно учиться самостоятельно выживать в новых для меня несовершенных условиях.

– Позвони Леону. Попроси помочь, думаю он не откажет, – предлагает мама.

Да, он не откажет. Но...

– Мам, мы развелись, смирись уже с этим. Я не буду по каждому поводу звонить Леону и просить о помощи. Я долж-

на сама, понимаешь?

Позвонить – значит проявить слабость, показать себя беспомощной без него. А я не хочу очередной раз давать ему повод считать, насколько он был прав, когда уходил.

– Так что все-таки случилось? Может, пора поделиться с мамой причиной вашего развода? – взволнованно интересуется мама.

Из нашего близкого окружения мало кто знает об истинных причинах нашего развода. Мы многие годы были образцово-показательной парой на людях, но не за дверьми нашего дома.

Сейчас, рассуждая более рационально, мне кажется, мы сами не знаем, что с нами произошло.

Я часто проигрываю в голове тот роковой вечер: Леон, как обычно, пришел поздно. Как обычно, уставший, молчаливый и раздраженный. А я, как обычно, не смолчала... Слово за слово, крики, взаимные обвинения, а потом мои слезы. Мы сидели в гостиной напротив друг друга: я плакала, а Леон молчал. Я помню, как тихо сказала, что устала, и предложила развестись и не мучать друг друга. Как часто бывает у семейных пар: поругались, пробросались словами, оскорблениями, поговорили, забыли, помирились. Так всегда было и у нас. Мы и раньше в сердцах могли вспылить, бросить в друг друга нелюбезное, но потом наступало перемирие, и жизнь возвращалась в привычную колею.

Но не в тот вечер.

Леон всегда отходил первым, мужественно мне уступал и всегда извинялся, даже в те моменты, когда виновата была я.

Я ждала его ласкового леоновского «извини», а услышала:

– Хорошо. Я подам заявление, – и ушел...

Это равнодушное «хорошо» оказалось настолько красноречивым и громким, что мне стало поистине страшно. Тогда я отчетливо поняла, что это конец.

– Он изменил тебе? – вкрадчиво продолжает выпытывать мама.

– Нет. Не знаю. Пойман не был, но... – я правда не знаю.

Иногда мне казалось, что частые командировки и ежедневные задержки на работе – следствие того, что Леон мне изменяет. И я даже была уверена с кем – с его чертовой помощницей Алиной. Я видела, как эта нахалка смотрит на моего мужа и облизывается. У меня всегда срабатывала тревожная красная кнопка, когда я приходила к Леону на работу, а рядом крутилась его помощница. Она открыто не показывала своей заинтересованности, но я всегда ощущала от нее опасность и вражду. Да, я ревновала, и эта ревность была частым поводом наших ссор. Леон клялся, что у них исключительно профессиональные отношения, но я с трудом верила, либо не хотела верить...

– Доченька, может, вы поторопились и ...

– Мам, извини, у меня правда много дел. Давай я позже тебе позвоню? – у меня нет никакого желания опять слушать о том, что мы поторопились и приняли необдуманное реше-

ние. У нас был целый месяц на принятие этого самого решения. Но Леон не приехал и даже не позвонил, чтобы поговорить, извиниться и всё обсудить.

Ну а я... Я просто ждала.

Я же девочка.

Все мы, принцессы, ждем, что наш рыцарь придет, спасет и бросит к нашим ногам весь мир.

– Хорошо, Агата. Но ты подумай на счет отпуска.

– Обязательно, мам. Папе передавай привет и дяде Натану. Пока.

Я навела порядок дома, навела ревизию в холодильнике, запустила стиральную машинку и съездила на почту за посылкой. Всё это я делала автоматически, потому что после разговора с мамой в голове, как на повторе, крутились ее слова от том, чтобы позвонить Леону. Мы остались в дружеских отношениях и, наверное, мама права – нет ничего крамольного, если я поинтересуюсь, где лежат документы.

Игнатов долго не берет трубку, и когда я уже собираюсь нажать «отбой», слышу его голос:

– Привет, Агата.

– Привет. Ты где? – ой, вот зачем я спросила? Меня это совершенно не должно касаться. По привычке? – Прости. Как дела? – поспешно поправляю себя.

В трубке слышится приглушенный смешок.

– Я на работе, Агат. Все нормально. У тебя как?

Ну еще бы!

Где можно найти в субботу Игнатова?

Только на работе!

Всегда на работе!

Постоянно НА РАБОТЕ!!!

Я опять завожусь. Завожусь так, будто имею на это право.

– Хорошо все, – отвечаю резче, чем следовало бы. – Леон,

я звоню по делу, так что не подумай, что я ищу повод, чтобы позвонить и узнать что-то о тебе, возможно, я сейчас не вовремя, поэтому...

– Так, стоп-стоп-стоп, – Леон прерывает мой поток безумств, отчего я безмерно ему благодарна. – Я ничего не понял, но давай по делу. У меня мало времени, – Игнатов, видимо, отстраняет от уха трубку и кому-то шепчет, – продолжай, Агат, – а это уже мне.

– Короче говоря, я не могу найти документы на квартиру и паспорт газового счетчика, – на одном дыхании зачитываю я. – В понедельник придут его опломбировывать, – чуть ли не по слогам проговариваю последнее слово.

Игнатов молчит.

Сам, что ли, не помнит, где они, и вспоминает?!

Я жду, что он сейчас пошлет меня куда подальше, но совершенно не ожидаю следующих его слов:

– Я понял. Вечером заеду, найду. Все, Агат, мне правда некогда, – Леон отключается, а я еще с минуту смотрю на экран своего телефона.

Это что сейчас было?

Мне же не послышалось, и Игнатов действительно сказал, что придет вечером? Сюда?

Ко мне?

«Не к тебе, Игнатова, – вторит мой внутренний голос, – он придет по делу».

Я начинаю судорожно метаться по квартире.

«Вечером заеду», – это во сколько? В семь? В девять? Или в полночь?

Для Леона Игнатова понятие «вечер» может варьировать в диапазоне от шести вечера до двенадцати ночи.

Я зачем-то бегу на кухню и открываю холодильник. Что я пытаюсь в нем найти, когда сама же утром провела тщательную продовольственную инспекцию? В нем стерильно, как в операционной.

Я не знаю точного обозначения моим следующим действиям, возможно, это биполярное расстройство, о котором мне сообщит моя лучшая подруга-психотерапевт чуть позже, но сейчас я совершенно не даю отчет своим действиям, когда торопливо набираю маму, когда спрашиваю о том, что можно приготовить быстро и нетрудоемко. Это точно не я несусь в ближайших супермаркет за продуктами. Это всё кто-то другой, это не я...

Потому что Игнатова Агата никогда не запекала курицу с картошкой.

Но подумаю я об этом потом, поздними, одинокими вече-

рами.

Я понимаю маму, долго и упорно всеми правдами и неправдами пытающуюся вытянуть причину столь внезапно-го кулинарного порыва, отсутствующего у ее дочери все полные 28 лет.

Умение убеждать – моя национальная способность. Поэтому я вдохновенно уверяю маму и саму себя в исключительности собственного интереса и не более.

Я готовлю для себя, да!

И почему я не интересовалась этим раньше?

Почему мама никогда не предлагала помочь ей и поделиться своим опытом? Потому что оказалось, что это совершенно не сложно и не долго, а главное – приятно. Приятно знать, что это приготовила именно ты!

На часах шесть вечера, а я сижу под душем в ванне и натираюсь ароматным ванильным гелем, потому что, мне кажется, я насквозь пропахла гарью от курицы, которая, к слову, немного подгорела.

Наношу легкий макияж и перерываю весь свой гардероб, сетуя на то, что опять нечего надеть.

Нечего надеть?

Дома, Игнатова, тебе нечего надеть дома?

Кажется, у меня проявляются все признаки начинающейся шизофрении, иначе как назвать то, что я начала разговаривать сама с собой? Синдром одиночества? Так рановато еще.

В семь вечера я сижу на диване: покрашенная, в коротких летних шортах и футболке с одним спущенным плечом, а на плите томится подгорелая, полуоблезлая курица с лимоном в заднице.

Можно сколько угодно себя обманывать, но я жду.

Жду своего бывшего мужа с работы.

Господи, да я даже его так ни разу не встречала в законном браке. Шизофрения, Игнатова, определенно это шизофрения.

Нужно срочно поговорить с Сашкой, думаю, она мне не откажет по старой дружбе и возьмет меня под наблюдение.

Пока я гуглю симптомы шизофрении, раздается глухой и настойчивый стук в дверь. Вскрываю и несусь в прихожую, но около зеркального шкафа-купе притормаживаю и напоследок оглядываю свое отражение.

Сойдет.

Игнатов стоит, облокотившись на дверной косяк одной рукой, а в другой держит пакет.

– Привет, проходи, – пропускаю Леона в квартиру.

Бывший муж проходит, разувается и передает мне пакет.

Я стою и смотрю на него, ожидая хоть какого-нибудь знака. Этот пакет мне или он просто дал его подержать, чтобы разуться? Игнатов ухмыляется и кивает на пакет, мол «смотри».

Я готова взвизгнуть от радости, но сдерживаю непрошенные эмоции. Заглядываю в пакет и достаю оттуда пластико-

вый контейнер с моими любимыми белковыми трубочками.

Не может быть! Мои любимые трубочки!

*Когда мы только поженились, Леон часто покупал для меня эти невероятно нежнейшие трубочки, тем самым за-
дабривая, когда задерживался на работе. Ради этих воздуш-
ных пирожных я прощала ему всё.*

Но последний год, а, может, и больше, я редко, но покупала себе их сама. Потому что Леон либо совсем не появлялся дома, либо появлялся настолько поздно, что ни одна кондитерская уже не работала.

– Спасибо! – искренне улыбаюсь, а еще смущаюсь. Такое ощущение, что я восемнадцатилетняя девчонка, которая пригласила к себе в гости понравившегося парня, пока ее родители уехали на дачу.

Только вот мне далеко не восемнадцать, и в гости я никого не приглашала, а передо мной не понравившийся парень, а бывший муж, отписавший мне эту самую квартиру. Сюр какой-то.

Игнатов по-свойски проходит в ванную, и по звуку льющейся воды я понимаю, что он моет руки. Я стою в прихожей и опять рассматриваю себя в зеркале. Поправляю волосы и ниже опускаю плечико футболки.

Леон выходит, бросает на меня равнодушный взгляд и направляется в гостиную, а я плетусь за ним. В небольшой зальной стенке открывает нижний выдвижной ящик, где у нас хранится всякая ерунда: старые подаренные открытки,

конверты, чеки столетних купленных товаров, блокноты, календарики, а также гарантийные талоны и сервисные книжки. Вот под всей этой макулатурой отыскиваются документы, а я, глупая, не нашла.

– Здесь выписка из ЕГРН, паспорт на счетчик, а это договор на обслуживание газового котла, если вдруг понадобится, – равнодушным голосом отчитывается бывший муж. – Что еще? Говори, пока я здесь.

Мы сидим на диване напротив друг друга.

Мой бывший муж сейчас так близко, что я могу его рассмотреть. Я смотрю на него по-новому, как-то по-другому... заинтересовано, что ли. Мне любопытно, какой он без меня, и как же хочется найти какие-нибудь подсказки того, что ему сложно и одиноко, но не нахожу...

Всё в нем я знаю: каждую венку, черточку и морщинку. Его глаза снова красные и уставшие от каждодневных мерцающих мониторов, и я абсолютно уверена, что в каждом кармане его пиджаков можно найти глазные капли. А вот если слегка отодвинуть ворот его сорочки несложно заметить маленькое родимое пятнышко, похожее на лук и стрелу. Весьма символично, потому что Игнатов – стрелец по гороскопу. Оно мне нравилось, я даже завидовала бывшему мужу, считая, что это родимое пятно делает его особенным и загадочным.

Всё это я знаю и помню...

Он не рассматривает, в отличие от меня, просто смотрит

сквозь, как обычно смотрят на неинтересных знакомых и собеседников: равнодушно и отчужденно.

– Ммм... – задумываюсь и вспоминаю про счетчики. – Да! Покажи, как снимать показания счетчиков.

А вот сейчас замечаю мимолетную улыбку всего лишь уголками губ.

Мы поочередно обходим все счетчики, Игнатов подробно мне объясняет, куда и как заполнять, а я лишь киваю, как болванчик.

Вроде запомнила, но это не точно.

И вот когда введение в систему ЖКХ окончено, наступает тот самый момент, когда все вопросы решены и вроде бы ему нужно встать и уйти, а мне – поблагодарить и пожелать ему всего хорошего, но мы оба молчим и смотрим друг на друга, ожидая чего-то.

– Спасибо, – выдавливаю из себя.

Держу спину ровно, закинув ногу на ногу. Хочу поймать его за разглядыванием моих голых ног, но Леон стойко держится на уровне мультяшного мерча футболки.

– Без проблем, – встает, – ну я пойду?

Пожимаю плечами, будто мне все равно.

Игнатов проходит в прихожую и начинает обуваться.

Во мне поднимается паника.

Вот сейчас он уйдет, а ты, Игнатова, как язык проглотила.

Я хочу его остановить, но не могу ничего сказать, меня как вклинило.

Ну же, предложи ему остаться, пригласи на ужин, ты полдня готовила эту чертову курятину.

– Леон, – бывший муж молниеносно поднимает на меня глаза, будто только этого и ждал. Но я ведь знаю, что так быть не может.

– Ты, наверное, после работы и голодный, – мне жутко неловко, словно я навязываюсь. – Я собиралась ужинать. Можешь составить мне компанию, – последнее предложение я выпаливаю на одном дыхании и выдыхаю.

– Я заметил, – улыбается Леон, а я непонимающе смотрю на него, – пахнет, – водит рукой по воздуху. – Сама готовила?

– Что? Нет, конечно! – оскорблённо фыркаю и деланно отвожу глаза, давая понять, какую ерунду он спросил, – купила на вынос! – вру.

Купила?

Игнатова, купила?

Сгоревшую курицу с лимоном в заднице?

Почему ты не сказала, что приготовила ее сама?

Потому что не хочу, чтобы он думал, будто я старалась для него.

– Ааа, ну ясно, – Игнатов смеется, но улыбка отчего-то печальная такая, вымученная.

Он наклоняется и надевает второй кроссовок.

– Спасибо конечно, но вынужден отказаться. А тебе приятного аппетита. Пока, — берется за ручку, проворачивает замок и выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Пока... – шепчу в пустоту.

Здесь все: идиотка Агата, обгоревшая курица и царапающая тишина...

11. Леон

– Никогда прежде здесь не бывал, – Павел Владимирович усаживается в кресло и стягивает салфетку со стола, покрывая свои темные брюки. – Но слышал, что здесь изумительная кухня.

Еще бы! В дерьмовое место я бы тебя не привел, поскольку мне очень нужен, просто необходим контракт с тобой.

На форуме в Питере мы познакомились с Кудымовым Павлом Владимировичем, владельцем известного в нашей стране крупным конгломератом. Я даже не смею предположить сколько компаний входит в его руководство. После презентации нашей концепции по разработке новой системы безопасности информационных данных Кудымов лично подошел ко мне поприветствоваться. Мы обменялись контактами, закрепили наше знакомство рукопожатием, и вот спустя несколько недель его помощник связался со мной, чтобы договориться о встрече. Помню, как танцевал тогда в своем кабинете победный танец! Ведь подцепить такую золотую рыбку – та еще удача, и я буду всеми силами пытаться ее не упустить.

Приглашать такого важного человека к себе – было бы не уважительно с моей стороны: мой офис пока скромный и не может похвастаться впечатляющим размахом, а мне

очень хотелось произвести впечатление развитой и престижной компании. Короче, мне тупо не хотелось упасть в грязь лицом. Поэтому я попросил Алину расшибиться в лепешку, выгрызть, выбить, прибегнуть к обману или продать душу самому дьяволу, но столик в этом пафосном ресторане достать.

Как уж она это сделала, я не знаю, но мы вчетвером: я, Алина, Кудымов и его юрист сейчас сидим здесь, за шикарным столом с видом на центральный проспект, и я готов сегодня потратить неприлично много бабок, лишь бы получить его инвестиции в мой проект.

– О да, чтобы сюда попасть, люди за месяц бронируют столик, – хвастаюсь я.

– Что вы говорите? Как же вам удалось, Леон Борисович? – восхищается «золотая жила».

Вот оно – У-успех: сам Кудымов зовет меня по имени-отчеству!

– Ну я здесь довольно частый и уважаемый гость. Для своих всегда найдется местечко, – деланно скромно опускаю глаза в тарелку и незатейливо улыбаюсь, ожидая восторженных оваций, но слышу сдавленный кашель Алины справа. Она одной рукой зажимает рот, а другой похлопывает себя по груди и смотрит на меня так, будто спрашивает: «Ты идиот?».

Согласен, переигрываю.

Ну а как иначе? Хочешь завтракать бутербродом с крас-

ной икрой, а не с соевой колбасой из киоска, – умеи вертеться!

В это время к нам подходит официант и просит сделать заказ. Первыми определяются гости, за ними я, а вот Алина долго сомневается.

– Пожалуйста, цыпленка «Гунг Бао» с лаймом и этот салат, – наконец определяется Алина и указывает наманикюрным пальцем в меню.

Когда мой слух улавливает слово «цыплёнок», невольно перед глазами всплывает обгорелая тушка курицы, из заднего места которой торчал обуглившийся лимон.

Еле сдерживаю улыбку.

В тот день, когда я пришел помочь найти Агате документы, еще в прихожей я почувствовал запах гари, но заострять на этом внимание не стал. Уже собираясь уходить, моя бывшая супруга предложила остаться на ужин. Помню её милое смущение, когда я спросил, сама ли она его готовила. Но гордая и упрямая Агата высокомерно задрала подбородок и ответила, что купила.

Агата такая Агата!

Я рассмеялся про себя.

Моя жена... черт, моя бывшая жена никогда бы не смогла купить такую горелую курицу, а вот приготовить – легко!

Да, я не остался на ужин. Но хотел, очень хотел. Хотел так, что готов был съесть эти угли ради пары минут призрачного ощущения семьи.

Я ушел, а вернее сбежал.

Дважды в одну реку и на одни и те же грабли?

Невозможно.

Я и так не понял, как поехал за ее любимыми пирожными, как буквально вырвал из рук мамашки с ребенком последние три штуки, взамен оплатив им другие, как неправильно реагировал на ее голые плечи и ноги в коротких шортах, как потом десять минут проторчал в ванной, пытаясь успокоиться. Все это я не должен был чувствовать к бывшей жене. Мы развелись. И это наше общее, взрослое решение и, надеюсь, осознанное.

– Как думаешь, они подпишут с нами контракт? – спрашиваю Алину.

Мы сидим в моей машине и обсуждаем прошедший вечер. Вроде все прошло успешно и каждый остался со своими мыслями и информацией для размышления. Мы отлично посидели, обсудили рабочие моменты, приятно пообщались на неформальные темы и аппетитно поужинали. Кстати, наши гости оплатили за себя сами, хотя я очень настаивал, но Кудымов был непреклонен. Нормальный мужик, с ним можно иметь общие дела.

– Ну после того, как ты рассказал, какой частый и важный гость того ресторана, то определенно да! – Алина закрывает глаза и откидывается на спинку кресла, сотрясаясь смехом.

Я и сам угораю. Уверен, она еще долгое время будет меня

троллить.

– А если серьезно, то уверена, что все получится. Ты заслуживаешь, чтобы получилось, – Алина поворачивается ко мне всем корпусом и смотрит с нежностью, обожанием и благоговением. Она больше не смеется, но ее глаза блестят, а лицо расслаблено.

Этих слов я всегда ждал от Агаты.

Вот она, та самая разница. Когда в родном человеке ты ищешь поддержку, понимания и гордость за твои успехи. Ты спешишь поделиться новостью, распирающую изнутри, пытаешься разделить с ним свои эмоции, ждешь одобрения, похвалы, доброго слова. Но расшибаешься об стенку, когда слышишь: «Ага, рада за тебя», «Угу, а почему так долго?», «Мне надоело ждать», «Где тебя так поздно носит?», «Твоя работа важнее, чем я» или просто «Мне не интересно...».

А Алине интересно.

Она смотрит на меня с восхищением, ловит каждое слово.

Моя помощница привлекательна: элегантное платье, высокая прическа, открывающая тонкую изящную шею, красивые ключицы, аккуратные пальцы, сжимающие тонкий ремешок сумочки и опьяневшие глаза, полные желания. Наверное, вот он, тот самый момент, когда мы должны перейти на новый уровень. И я слегка наклоняюсь к девушке, а она тянется ко мне. Касаюсь губами ее накрашенных губ: вкус горьковатый, но не противный, дыхание у нее сбивчивое, рваное, а у меня ровное, сдержанное. Углубляю поцелуй, чувствуя

отклик. Моя рука обхватывает ее затылок, а другая гладит бедро, туго обтянутое тканью платья. Алина обнимает меня за шею и тихо стонет, а потом отстраняется для того, чтобы сказать:

– Поехали к тебе.

И не дождавшись моего ответа, тянется за новым поцелуем.

У меня не было близости три месяца, и перспектива провести с пользой для здоровья время – меня полностью устраивает. Рано или поздно мы бы пришли к этому с Алиной. Так пусть будет рано.

Прислушиваюсь к себе: в сердце тихо, телу приятно, в брюках спокойно. Так себе реакция. Ладно, будем поднимать.

Я собираюсь ответить согласием, как в заднем кармане настойчиво начинает вибрировать мой телефон, а следом раздается рингтон. Алина недовольно мычит, но отпускать мои губы не собирается. Я нащупываю телефон и, не глядя на звонящего, отключаю. Кто бы это ни был, сегодня меня нет ни для кого. Прижимаю девушку к себе еще плотнее, когда телефон раздражается с новой силой.

Да кто ж там такой неугомонный?

Алина нехотя отпускает меня, и мы вместе смотрим на экран.

Ну конечно! Кто еще меня может так обломать?

Агата! Как чувствует, зараза!

– Ответь, – тихо говорит Алина и отворачивается к окну. Ей неловко, даже неприятно.

И я ее понимаю, поэтому снова сбрасываю звонок.

Убираю телефон в углубление на приборной панели и трогаю Алину за руку. Девушка поворачивается, грустно улыбаясь, но сдерживается. Агата бы вынесла мне мозг.

Притягиваю Алину к себе, ладонями обхватываю ее лицо и снова глубоко целую.

Целую одну, а думаю о другой.

Я жду, что телефон сейчас зазвонит, прислушиваюсь, а мои губы механически ласкают губы Алины.

Почему она не звонит?

Ты дурак, Игнатов?

Ты два раза ее сбросил.

Это же Агата, упрямая, гордая Агата.

А если у нее что-то случилось? Что-то серьезное, потому что она никогда не позвонит просто так.

Черт, но мы в разводе, и я не обязан ей ничем.

А если она в опасности?

Черт, черт, черт...

Находясь в своих мыслях, я даже не понимаю, когда Алина успела отстраниться от меня.

– Леон, перезвони. Я же вижу, ты нервничаешь.

– Да нет, я просто... – взлохмачиваю волосы. – Черт. Я быстро, окей? Просто узнаю, что она хотела и поедем ко мне, лады?

Мне дико стыдно за себя и свое поведение. Но я правда не могу. Не могу расслабиться, зная, что она звонила, а я не ответил.

Набираю.

– Алло?! Леон, ты где? – выпаливает Агата: голос возбужденный, нервный, истеричный. – Блин, в смысле ты занят? Я тебя отвлекаю?

– Говори.

– Прости, если отвлекаю, – дышит тяжело, скомкано. – Леон, у меня что-то с машиной. Я стою на мосту и не знаю, что делать.

– В смысле? Что с машиной? – нахмуриваюсь.

– Я ехала по мосту, и вдруг из-под капота повалил дым, представляешь? Пошел ты, урод, не видишь аварийку, козел? – слышу в трубке какой-то шум и протяжной гудок автомобиля, – это не тебе.

– Я понял, – стараюсь сдержать ухмылку. Агата неподражаема, – дальше.

– А дальше я заглушила машину и включила аварийку.

– Правильно. А на панели какие-нибудь кнопки горят?

– Сейчас сяду в машину и посмотрю.

– А ты на улице, что ли?

– Ну конечно, – говорит так, будто я спросил какую-то несусветную чушь. Агата умеет одним своим тоном сделать из тебя идиота. – Вдруг машина взорвется? Знаешь, сколько дыма было. Я сразу выскочила, – хлопает дверью. Слышу,

как садится. – Горит какой-то значок.

– Ясно. А теперь выйди и посмотри под капот. Ничего там не капает?

Слышу, как чертыхаясь, Агата выходит из машины, а на заднем фоне фонит и гудит.

– Течет какая-то жидкость. Леон, это что, бензин? – понимаю, что Агата начинает паниковать.

– Нет, не бензин. Наверное. Так, ладно, жди. Скоро буду, – отключаю возбуждённую Агату и перевожу внимание на сидящую рядом Алину.

Смотрю на девушку: сосредоточенную, предельно собранную, и в уме прикидываю, как правильно сказать, чтобы сильно не обидеть. Потому что не сильно я уже постарался. Но Алина опять меня удивляет:

– Я понимаю. Поезжай, конечно.

Вот она – идеальная женщина, сидит прямо передо мной, понимающая с полуслова, скромная, отзывчивая, правильная. Что тебе еще надо, Игнатов?

– Алин, прости. Seriously, у нее проблемы там с машиной, нужно помочь...

– Не оправдывайся. Я все понимаю, правда, – перебивает Алина. Она старается держать себя в руках так, как она это умеет, но потухшие, печальные глаза говорят иное.

Я обидел ее.

Я настоящий козел.

– Отвезу тебя домой, – завожу двигатель.

Еще с моста я увидел мигающую аварийкой машину Агаты. Бывшая жена, удивительно, не забыла помимо аварийного сигнала выставить знак. Она сидит в машине и с кем-то треплется по телефону.

Подхожу к водительской двери и сразу распахиваю ее. Агата пугается, смотрит огромными глазами, но, когда понимает, что перед ней я, выдыхает и быстро прощается с собеседником.

– Привет, ты меня напугал.

– Открывай капот, – не церемонясь, перехожу сразу к делу.

Место и правда не самое удобное для стоянки, поэтому нужно скорее отсюда убраться.

Открываю капот, подсвечивая себе телефоном. Агата стоит рядом и тоже заглядывает, будто может там что-то понять.

– Сюда посвети, – отдаю ей в руки свой телефон и наклоняюсь ниже. – До того, как поехала, где была? – уточняю.

– В торговом центре с Сашкой.

– А до торгового центра?

– На мойке машину мыла, – удивляется моим вопросам бывшая.

– Сама мыла? – поднимаю голову и всматриваюсь в лицо Игнатовой.

– Смеешься? —фыркает. – Нет, конечно. У меня ногти!

Ну конечно!

– Ясно, – усмехаюсь.

Заглядываю под капот: под ним натекла приличная лужа охлаждающей жидкости. И мне, в принципе, всё понятно. Только нужно проверить еще один момент.

– Что тебе ясно, Игнатов? – с фонариком семенит за мной, когда я сажусь за руль.

Ну точно. Как я и думал – мигает значок о повышении температуры в двигателе.

– Короче, тебе, видимо, погнули соты радиатора охлаждения. И еще лопнул расширительный бачок, – констатирую.

Агата делает испуганное лицо и ахает.

– Господи! У меня вроде нет врагов... – задумывается. У Агаты такое выражение лица, будто ее мозг усиленно пытается вспомнить всех своих недоброжелателей. – Кто же мне его погнул? И как? Вскрывали капот? – умозаключает.

Прыскаю.

– На мойке, Агат, когда мыли. По тупости или по глупости.

– Ааа, – понимающе протягивает. – И что теперь делать? Это, – обводит машину рукой, – подлежит восстановлению?

– Подлежит, – заверяю. – Так, поищи пока номер эвакуатора. А мне позвонить нужно.

Смотрю на часы. Черт, время уже позднее, но, надеюсь, Вадим в пятницу вечером еще не спит. Его старший брат работает в автомастерской, и я попробую договориться оттащить машину к нему.

Мне или Агате, уж не знаю кому, везет: Вадим связался с братом и нам разрешили отогнать машину прямо в бокс.

Кроссовер Агаты отгружают на эвакуатор, а мы с ней садимся в мою.

– Долго будут ремонтировать? – пристегиваясь, спрашивает бывшая. В ее голосе надежда того, что я сейчас скажу о то, что быстро, но я, признаться, сам не знаю.

– Не знаю. Может, за пару дней сделают. Нужно купить новый радиатор и топливный бачок.

Агата вздыхает.

С ее работой приходится мотаться целый день по всему городу и машина ей нужна.

– Странно, конечно, машина практически новая. Как в ней могло что-то лопнуть? Не понимаю.

– Это техника, Агат, пусть даже и новая. С ней может случится всё, что угодно, – снисходительно говорю и улыбаюсь.

Мы очень быстро добираемся до бывшей нашей квартиры благодаря пустым вечерним пятничным дорогам и паркуемся под дворовым уличным фонарем.

Во дворе ни души.

Тишина.

Легкий теплый ветерок лениво качает темные кроны деревьев. Через пару дней наступит лето. Им уже пахнет. Открываю окно полностью и вдыхаю ночной воздух. Мы оба молчим, думая каждый о своем. Агата не спешит уходить, а

я не спешу с ней прощаться. Точно также, как тогда в квартире, когда я пришел искать документы.

– Ладно, – отстегивает ремень безопасности моя бывшая жена. – Спасибо за помощь, Леон. В который раз выручаешь.

– На чай пригласишь? – прищуриваюсь и наигранно улыбаюсь. Вроде бы шучу, но в душе отчего-то надеюсь.

– Прости, но нет. Устала очень. Как-нибудь в другой раз, – открывает дверь и подходит к задней, чтобы забрать ворох пакетов.

Она поступает точно так же, как я – сбегает. Потому что ни к чему это все. Мы в разводе. Но один вопрос все-таки меня гложет, и я решаю его уточнить.

– Агат! – окликаю девушку в окно.

Она оборачивается и смотрит на меня уставшими, воспалёнными глазами.

– Агат, а я сегодня, кажется, крутого инвестора для своего проекта нашел. Осталось контракт с ним подписать, – улыбаюсь, гордо задрав подбородок.

Агата несколько секунд смотрит мне в глаза.

– Ну теперь окончательно переедешь жить на работу, – с язвой говорит моя бывшая жена. – Поздравляю. Пока, – отворачивается и спешно уходит.

И никаких тебе «Я рада за тебя», «Пусть все получится»...

Ее скупое «поздравляю» ощущается как проклятие.

Выдыхаю и горько улыбаюсь. В душе ледяным осколком

скребёт обида. Какая-то глупая детская обида, когда от близкого человека ждешь похвалы, искренней радости, а получаешь равнодушный поджопник.

12. Агата

Я так и не выбрала подарок молодоженам, и решила подарить то, что я умею лучше всего – свадебный макияж невесте и ее гостям.

Бесплатно!

А вот платье я выбрала легко и быстро, как раз в ту пятницу, когда на мосту у меня сломалась машина.

Я бросаю быстрый взгляд на свое безупречное коктейльное платье и обреченно вздыхаю: когда я его смогу надеть – ума не приложу. В тот момент, когда Яна назначила меня главным мейкапером свадьбы, я и представить себе не могла, что перекрашу практически всех подружек Яны, мам новобрачных и их близких родственников.

Я с пяти утра на ногах, и мне кажется, что до основного торжества я не доживу – усну прямо на регистрации. Благо куда ехать не нужно. Семья Яны арендовала полностью туристический комплекс за городом. Регистрация брака будет проходить тут же, под эффектной аркой, декорированной каскадом кустистых роз и орхидей.

У меня у самой на лице ни грамма косметики, волосы собраны в беспорядочный пучок, а из одежды на мне – легинсы с линиялой футболкой.

Я без конца зеваю, и все лица начинают сливаться в одно.

Устала неимоверно. Хорошо, что невесту я накрасила первой, иначе Яна пожалела бы, что выбрала визажистом меня.

Критично рассматриваю лицо невесты, выискивая случайные косяки, но с превеликим удовольствием убеждаюсь, что работа выполнена профессионально и безупречно, подчеркивая молодость и природную красоту девушки, а вот с бабушкой жениха мне придется изрядно повозиться, превращая сморщенный урюк в свежий пЭрсик!

Начало регистрации через сорок минут.

За это время мне надо успеть принять душ, помыть голову, накраситься и одеться. Вообще, я бы предпочла поехать домой и завалиться в постель, но вместо этого собираю в объемную косу отросшие до лопаток волосы, а у виска выпускаю пару прядей. Делаю легкий дневной макияж и надеваю воздушное шифоновое платье фиалкового цвета. Оно на тонких бретельках, с открытой спиной и разрезом до бедра. Из украшений на мне только длинная цепочка из белого золота, глубоко уходящая в декольте, которую бывший муж подарил мне на прошлый день рождения. Просто, но женственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.